

ПОЛОСА ВЕЗЕНИЯ

Бабские истории Екатерины

ВИЛЬМОНТ

ПОЛОСА ВЕЗЕНИЯ,
ИЛИ ВСЕ МУЖИКИ КОЗЛЫ

Полоса везения

Екатерина Вильмонт

**Полоса везения, или
Все мужики козлы**

«АСТ»

2000

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вильмонт Е. Н.

Полоса везения, или Все мужики козлы / Е. Н. Вильмонт —
«АСТ», 2000 — (Полоса везения)

ISBN 978-5-17-022853-9

Екатерина Вильмонт – мастер лирической прозы. Ее привлекает душевный мир независимых женщин, способных управлять обстоятельствами. У переводчицы Марии Шубиной из повести «Полоса везения, или Все мужики козлы» наконец-то начинает налаживаться жизнь. Неожиданно на нее сваливается хорошая работа, деньги, а главное – приходит любовь. К тому же таинственный незнакомец постоянно посылает ей букеты роскошных хризантем и дорогие конфеты... Но два вопроса терзают Марию: кто же этот незнакомец и действительно ли все мужики козлы или все-таки есть исключения?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-022853-9

© Вильмонт Е. Н., 2000
© АСТ, 2000

Екатерина Вильмонт

Полоса везения, или Все мужики козлы

© Е. Н. Вильмонт, 2000

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2008

© ООО «Издательство Астрель», 2006

* * *

Итак, в этом месяце мне стукнет сорок. Бабий век, никуда не денешься. И, значит, пора подводить итоги. Фу, до чего же скучно звучит – подводить итоги, особенно если итоги такие хреновые, как у меня. Что же мы имеем накануне сорокалетия? Впрочем, легче сообразить, чего мы не имеем. Мужа нет, хотя было их три, детей Бог не дал, любовника в настоящий момент тоже нет, и любви нет... А что есть? Работа есть, хотя платят за нее такие гроши, что ее тоже можно зачислить в минус. А что же у нас в плюсе? Двухкомнатная квартира в центре и старенький «жигуленок-копейка», который почему-то еще бегаёт, хотя ему давно уже пора на свалку. А еще есть подруги. Да и внешностью Бог не обидел вроде бы. Моих лет мне никто не дает, и на улице до сих пор пристают, значит, еще не причисляют к старухам. В общем, не так уж плохо. Вот если б денег чуть побольше... Но тут телефонный звонок отвлек меня от грустных раздумий.

– Аллю, Машка? – услышала я голос Татьяны, старой подружки.

– Привет!

– Маш, я что узнала! Оказывается, сорокалетие нельзя праздновать!

– Почему это? – удивилась я.

– Говорят, плохая примета.

– Ну и отлично! Шумно праздновать я и не собиралась, бабок нет. А теперь и вовсе все зажму из-за примет.

– Правда, что ль?

– Правда. Настроения нет... Да и вообще... Ты меня отвлекла.

– От чего это?

– Я, Танька, подводила итоги.

– Какие итоги? – растерялась Танька.

– Итоги своей жизни. И они довольно хреновые.

– Сдурела, да?

– Почему это?

– Кто в сорок лет итоги подводит? Что такое сорок лет? Это даже не юбилейная дата! Ее нормальные люди не отмечают, а тебе вздумалось подводить какие-то итоги! Дура ненормальная!

– Танька, ты чего орешь?

– А как на тебя не орать? Если хочешь знать, в сорок лет все только начинается! Ты вспомни, вспомни, Зинаида в сорок лет первый раз влюбилась по-настоящему, Люська в сорок лет первый раз родила!

– А библейская Сара родила вообще чуть ли не в сто лет! – рассмеялась я.

– Библия тут ни при чем, я тебе про живых женщин толкую, про наших знакомых, и вообще... Ой, Машка, а зачем я тебе звоню? У меня же было какое-то важное дело...

– Ты хотела мне сообщить, что сорок лет нельзя праздновать... – напомнила я подруге.

– Господи, у меня уже склероз, Машуня! Совсем из головы вылетело! Для тебя есть шикарная работа! Я как услышала, прямо зубами в того мужика вцепилась!

– В какого мужика? Что за работа?

– Надо срочно перевести какую-то суперновую поваренную книгу!

– Поваренную книгу?

– Ну да! Она здоровенная, а платят они шикарно – пять баксов за страницу!

– Пять баксов за страницу? Ты уверена?

– Уверена, уверена! Запиши телефон и завтра в десять позвони. Если он сам еще сегодня не объявится. Я ему такого о тебе наговорила! Расписала, какая ты, рассказала, каких ты авторов переводила, и он, похоже, впечатлился.

– Ну, Татьяна, если это выгорит, считай, ты мне сделала шикарный подарок к сорокалетию. Слушай, а сколько там страниц?

– Хочешь уже баксы подсчитать? – засмеялась она. – Точно я не знаю, но, кажется, около трехсот, так что полторы тысячи наверняка заработаешь.

– Танька, ты не шутишь?

– В наше время за такие шутки морду бьют, а меня эта перспектива не привлекает. Ладно, кончаем треп, а то вдруг он тебе звонит. Только не думай, что он какой-нибудь романтический герой, который подворачивается в минуту жизни трудную. Самый обыкновенный делега, ни кожи, ни рожи, только бабки.

– На фиг мне его кожа? С меня вполне хватит, если он мне даст работу и честно за нее заплатит.

– Заплатит. Я знаю, как на него найти управу, так что смело впрягайся.

– Тань, а сроки? Какие сроки? – закричала я, сообразив, что такие деньги скорее всего дают за какую-нибудь сверхсрочность.

– Чего не знаю, того не знаю! Все, в окно вижу, Федька приехал, надо его кормить. Пока, подруга!

– Пока.

Господи, только бы все получилось, только бы все получилось, твердила я про себя. Нет, нельзя настраиваться на удачу – она живенько может отвернуться. Не буду ждать звонка, лучше завтра позвоню сама и обязательно немножко покочевряжусь, чтобы этот тип не думал, что я так уж нуждаюсь в работе. Тогда он точно меня облапошит, знаю я нынешних издателей, они за грош удавятся. Буду изображать из себя весьма занятую даму, которой просто из чистого кулинарного любопытства хочется перевести поваренную книгу.

Однако мысль о возможности заработать хоть какие-то нормальные деньги не давала покоя, и я уже думала, на что их потрачу. Первым делом надо купить дубленку и зимние сапоги. Попробую уложиться с этим в пятьсот долларов, а тысячу... Тысячу отложу на черный день. Хотя откладывать я ничего не умею. Слава богу, долгов нет. Этого я боюсь больше всего на свете. Даже занятая на день десятка тяготит меня. Зато сама даю в долг легко и с удовольствием, когда есть что дать. Как-то я подсчитала, что, если бы все мои должники вдруг разом вернули мне деньги, я могла бы неплохо жить, наверное, целый год.

Так или иначе, а подводить печальные итоги мне уже не хотелось и я решила переглядеть накопившееся белье. Больше глажки я ненавижу только возню с ниткой и иголкой. Включив телевизор, я разложила на столе старенький плед и взялась за дело. Передавали какую-то муть, но во время глажки это как раз то, что нужно. И вдруг зазвонил телефон. Приятный мужской голос попросил Марию Никитичну.

– Это я.

– Мария Никитична, очень рад, меня зовут Борис Евгеньевич Вырвизуб.

– Как? – не поверила я своим ушам.

– Вырвизуб, – с легким смешком повторил он. – Ничего не поделаешь, такая вот у меня стоматологическая фамилия. Вам Татьяна Андреевна обо мне еще не говорила?

– Говорила, но только в общих чертах...

– Отлично, тогда поговорим конкретно. Вы сейчас очень заняты?

– Ну, не то чтобы очень...

– Великолепно! Мы хотим издать одну весьма необычную поваренную книгу, она изумительно красивая и написана с большим юмором. Признаюсь, мы уже отдавали ее одному переводчику, который, мягко говоря, с нею не справился, а вернее, попросту заперол. Вот мне и порекомендовали вас. Ставка – пять долларов за страницу.

– Ну...

– Даже если на странице пять-шесть строк, а остальное картинка. Мария Никитична, это неплохо, я ведь знаю, как нынче платят переводчикам.

– Это смотря каким! – гордо заявила я. – И смотря в каком издательстве.

Он промолчал, но я так и увидела его насмешливую улыбку. Меня сразу бросило в жар.

– Что ж, в принципе я согласна, а какие у вас сроки?

– Сроки? Сроки, уважаемая Мария Никитична, сжатые.

– Насколько сжатые? – уточнила я.

– Месяц!

– А сколько страниц?

– Триста пятьдесят. Это для вас реально?

– Трудно сказать... Надо сначала взглянуть на текст.

– Там очень много иллюстраций. Полагаю, вы справитесь. Вы могли бы завтра заехать в редакцию? Если вас все устроит, мы сразу же подпишем договор.

Я хотела спросить об авансе, но дурацкая гордость не позволила. Ничего, завтра спрошу, а может, и спрашивать не придется, может, он сам все скажет. Я записала адрес издательства и обещала прийти в половине второго. На том разговор закончился.

Неужто повезло? Правда, триста пятьдесят страниц за месяц – это круто, но и тысяча семьсот пятьдесят долларов за месяц – тоже не жук начихал. Ничего, справлюсь, буду сидеть с утра до ночи. Только бы до завтра эта работа не уплыла куда-нибудь, а то ведь все бывает. Нет, глупости, никуда она от меня не уплывет, и вообще... Кажется, для меня начинается полоса везения. Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить! Поплевав через левое плечо и постучав по дереву, я снова взялась за утюг и сама не заметила, как переглядила гору белья.

...Утром, принимая душ, я вспомнила вчерашний разговор с Борисом Евгеньевичем, который носит такую малопривлекательную фамилию – Вырвизуб. А у него очень приятный голос, подумала я, и манера говорить тоже приятная. Что, если он мне понравится? Надо привести себя в порядок, на всякий случай. Да и вообще, когда идешь в незнакомое место, нельзя выглядеть лахудрой. А еще – нельзя опоздать даже на минутку. Пусть Вырвизуб увидит, как я хороша собой, а главное, пунктуальна.

Ровно в половине второго я уже звонила у какой-то довольно обшарпанной двери без вывески. Мне открыл здоровенный детина, впрочем, вполне вежливый.

– Вы к кому? – осведомился он, глядя на меня сверху вниз.

– К Вырвизубу!

– Фамилия?

– Шубина.

– Проходите. Вторая дверь направо.

Не успела я и шагу сделать, как вторая дверь направо распахнулась, и оттуда высунулся весьма потертого вида мужчина в маленьких модных очках.

– Мария Никитична? Вы поразительно точны! Прощу вас в мой кабинет!

Кабинет был довольно тесный, весь заваленный рукописями, книгами, дискетами. Там помещался только средних размеров стол и два даже с виду неудобных кресла. Усадив меня в одно из них, он восторженно на меня уставился.

– Рад знакомству, много о вас слышал хорошего, и, надеюсь, мы найдем общий язык.

Я промолчала.

– Вот, Мария Никитична, эта книга! – Он протянул мне огромную по формату книгу в ослепительно красивой лаковой суперобложке. – Я вас оставлю минут на десять, а вы пока ознакомьтесь... – и с этими словами он вышел из кабинета.

Я быстро раскрыла книгу, пробежала глазами первую страницу, заглянула в конец, в середину и радостно перевела дух. Это было именно то, что надо. Легкий изящный текст, очень много иллюстраций... Я, безусловно, за месяц справлюсь, однако перед Вырвизубом надо разыграть небольшой спектакль, чтобы не думал, будто делает мне одолжение.

Он вернулся ровно через десять минут. Тоже демонстрирует пунктуальность и обязательность.

– Ну-с, дорогая Мария Никитична, каково ваше решение? Месяца вам хватит?

– Да как вам сказать... Это очень большой объем, но дело даже не в этом...

– А в чем же? – встревожился он.

– Тут масса специальной терминологии, которой я, естественно, не знаю. Понадобится куча всяких справочников, консультаций, а это все требует времени.

– Сколько?

– Что?

– Сколько времени это потребует?

– Так сразу трудно сказать...

– И все же? Две недели, месяц?

– Может быть...

– Но это катастрофа! Настоящая катастрофа!

– Две недели – катастрофа? – удивилась я, прекрасно знакомая с издательской практикой.

– Но мы уже потеряли два месяца с первым переводчиком, который книгу заперол, а вас мне так рекомендовали, сказали... что вы работаете хорошо и быстро... Мария Никитична, умоляю вас, выручите! Век не забуду.

Я молчала.

– Хорошо, семь долларов за страницу! – выкрикнул он вдруг. – Меня это разорит, но я просто не могу подвести наших немецких партнеров.

Вот это да, возликовала я. Только не надо показывать свое ликование.

– Ну что ж, пожалуй, это меня устроит. Однако какие у меня гарантии?

– Что вы хотите сказать? – не понял он или сделал вид, что не понял. – Мы сию же минуту заключим договор, и я выдам вам аванс, ну, скажем, триста долларов. Вы это имели в виду?

– Нет, не совсем... То есть я согласна, но давайте заранее договоримся: я представляю рукопись, и в тот же день вы платите мне всю оставшуюся сумму. Товар – деньги!

– То есть как? – опешил он. – Но нужно ведь время на одобрение рукописи... И вообще...

– На одобрение моей рукописи вам хватит и четверти часа, – нахально заявила я.

– Иными словами, вы мне не доверяете? – горестно вздохнул Вырвизуб.

– Извините меня, Борис Евгеньевич, но мой печальный опыт...

– Да-да, я знаю, – быстро закивал он, – многие сейчас ведут себя нечестно, в издательском деле проходимцев хоть пруд пруди, но я... Я согласен на все ваши условия, дорогая моя Мария Никитична! Вера! Вера!

На пороге возникла сухопарая дама с бледно-сиреневыми волосами и без тени улыбки на жестком лице.

– Вера, бланк договора! – потребовал Вырвизуб. – Я сам все оформлю!

Пожав плечами и не удостоив меня даже взглядом, она вышла и тут же вернулась с бланками в руках. Через десять минут я уже подписала договор и положила в сумочку триста долларов.

Внутри у меня все пело, и даже Вырвизуб показался просто душкой, особенно когда предложил довезти меня до дому на своей машине, поскольку поваренная книга оказалась довольно увесистой. Я с благодарностью приняла это предложение, тем более что теперь в самом деле каждая минута на счету. Он довез меня до дому и даже поцеловал на прощание руку. В этот момент в его тусклых глазах мелькнуло выражение живейшего интереса ко мне, но уже не как к переводчице. Так вот почему он так легко накинул два бакса за страницу.

– Мария Никитична, у меня к вам есть просьба...

– И я даже знаю какая, – улыбнулась я. – Сохранять коммерческую тайну и никому не говорить, сколько вы мне платите, я угадала?

– Вы не только поразительно красивы, но еще и поразительно умны!

...Войдя в квартиру, я первым делом позвонила Таньке.

– Татьяна, с меня причитается!

– Договорилась? – обрадовалась она.

– И даже получила аванс – триста баксов, так что сорокалетие все-таки отметим!

– А примета?

– Черт с ней, с приметой, хотя...

– Хотя что? – испугалась Танька.

– У меня сейчас времени совсем не будет. Придется с утра до ночи корпеть над переводом. Кстати, Татьяна, у тебя вроде бы много поваренных книг?

– До фига и больше. А тебе они нужны будут?

– Обязательно! Я ведь не очень сильна в кулинарной терминологии.

– Поняла. Получишь все, что потребуется. Так ты уже завтра за работу садишься?

– Сегодня. Надо хоть вступление быстренько сделать. Тань, ты мне к утру приготовь все книжки, а я заеду на машине. Между прочим, твой Вырвизуб...

– Кто мой?

– Вырвизуб!

– Какой зуб?

– Ты что, не в курсе, что у этого работодателя фамилия Вырвизуб?

– Кроме шуток?

– Честное слово!

– Ну и ну! Понятия не имела! Так что этот Вырвизуб сделал?

– Довез меня до дому на машине, у меня ведь книжка тяжелая была.

– Джентльмен! Слушай, Машка, а что, если бы он был зубным врачом? Ведь прогорел бы, а? Ну кто, скажи на милость, пойдет к стоматологу с такой фамилией?

– Это уж точно! – засмеялась я. – Вот он и решил издавать книги.

– Машка, а почему это он тебя домой повез, ты что, без машины была?

– Ага. Сейчас такие пробки, я боялась опоздать. Тань, так я утречком к тебе заскочу?

– Во сколько?

– Часиков в девять. Федор уже уедет?

– Конечно! Маш, ты дома не завтракай, мы с тобой кайфанем часочек, ладно?

– Часочек? Ладно, кайфанем! – согласилась я.

Утром я отправилась к Татьяне. Когда она мне открыла, лицо у нее было насмешливо-хитрым.

– Тань, ты чего? – полюбопытствовала я.

– Ты этого Вырвиглаза наповал сразила!

– С чего ты взяла?

– Разведка донесла. Говорят, он тебе даже денег прибавил?

– Татьяна, откуда дровишки?

– Нет, ты скажи, это правда?
– Ну, прибавил немножко за скорость... Постой, у тебя кто-то в этой конторе есть?
– Да нет...
– Не морочь мне голову! – рассердилась я.
– Понимаешь, Машка, этот Вырвиглаз...
– Вырвизуб, – поправила я подругу.
– Ах, да какая разница, – отмахнулась Татьяна.
– Ну, положим, некоторая разница есть... Но ты все же скажи, откуда информация? И вообще, откуда ты взяла этого Вырвизуба?
– Я с ним у Веры познакомилась, она живет в нашем доме, мы разговорились, я сказала про тебя... ну и вот... А вчера поздно вечером Вера ко мне заявила просто потрясенная!
– Это чем же?
– Тем, что ее дражайший шеф так легко раскошелился и даже отвез тебя домой. Она уверена, что он в тебя втюрился!
– Ее это огорчает? У нее на него виды? – деловито осведомилась я.
– Да нет, она замужем. Просто она его знает давно, и такое поведение ему несвойственно. И еще... Она по его просьбе наводила справки о тебе. О твоей личной жизни.
– Интересно! И что ты ей сообщила? Про всех мужей разболтала?
– Дура ты, Машка! Зачем лишняя информация? Я просто сказала, что сейчас ты свободна и что детей у тебя нет. Только и всего. И еще, что тебе очень нужна работа. А больше ни звука!
– Ну и молодец, Татьяна! Спасибо тебе огромное!
– Ты это иронически? – испуганно спросила она. – Но я, честное слово, ничего лишнего не говорила. В конце концов, если он в тебя втюрился...
– Танька, прекрати. Успокойся, что сказала, то сказала. А его любовь нужна мне как прошлогодний снег. Если будет давать работу и по-человечески за нее платить, слава богу!
– А если он потребует за это...
– Чтобы я с ним спала?
– Ну да...
– Перетопчется. Он не в моем вкусе, – засмеялась я. – Да ладно, Танька, не волнуйся, все будет отлично. По-моему, у меня началась полоса везения. Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить.
Мы еще потрепались о том о сем, и я, прихватив целую сумку поваренных книг, помчалась домой и села за работу. Как ни странно, она доставляла мне удовольствие. Хорошо написанные остроумные тексты, красивые картинки, от которых текут слюнки. Я и опомниться не успела, как перевела семь страниц, правда, устала до чертиков. Сорок девять долларов, считай, уже в кармане. Я повеселела, поняв, что вполне справлюсь с задачей. Вот только перепечатать набело сама конечно же не успею. Придется искать машинистку. Впрочем, в наше время это не проблема.
Шесть дней я сидела, не разгибаясь, и уже здорово продвинулась. Меня только удивляло, что в большинстве рецептов авторы советовали, сняв мясо со сковородки, налить в нее воды и на этой основе готовить разные соусы, хотя давно известно, что это ужасно вредно из-за канцерогенов. Но ведь не сумасшедшие же эти авторы? Тем более что вся книга считается новым словом в кулинарии! Вероятно, кто-то выяснил, что такие соусы, напротив, страшно полезны. За мои сорок лет каких только веяний не было в этой области! То самым страшным ядом объявлялись помидоры, то кофе и молоко. Потом соль и сахар. А теперь вот я прочла, что организм не может существовать без соли и сахара. Как говорится, без пол-литра не разберешься. Кстати, насчет пол-литра мнения медиков тоже расходятся. Считается, что алкоголь смывает какие-то склеротические бляшки... Тьфу, черт, и что за мысли дурацкие в башку лезут? Наверное, от перенапряжения... Надо выпить кофе...

Я встала и побрела на кухню. Во рту пересохло, и кофе совсем не хотелось. И почему так холодно, отопление отключили, что ли? Нет, батарея горячая. Наверно, я просто проголодалась. Ага, уже семь часов, а я в последний раз ела утром. Но есть тоже неохота. Выпью чаю, заодно и согреюсь. Надо бы перевести еще страничку-другую, но что-то нет сил. Ох, только бы не заболеть. Вот это будет номер!

Я схватила градусник и сунула себе под мышку. Меня трясло. Так и есть, тридцать восемь и семь! Только этого не хватало! Надо срочно принять какие-то меры. Я развела в стакане аспирин, выпила его, разделась, вся дрожа, напялила теплую рубашку и халат, надела шерстяные носки и завалилась в постель. Главное – заснуть, а к утру все должно пройти, ведь у меня сейчас полоса везения!

Но к утру мне стало еще хуже, и я поняла, что моя выгодная работа горит синим пламенем. Из последних сил я накинула на плечи куртку и спустилась к почтовому ящику. Мне когда-то внушили, что забитый корреспонденцией ящик показывает грабителям, что хозяев квартиры нет в городе. И я взяла себе за правило каждый день вынимать почту. Вернувшись, я сразу набрала номер Таньки. Она меня не узнала.

– Что у тебя с голосом? Ты больна?

– Тань, прошу, позвони Вырвизубу и скажи, что я заболела и не успею в срок при всем желании. Если ему надо, заезжай ко мне, я отдам тебе книгу...

– Машуня, не вздумай! А вдруг ты через пару дней оклемаешься и будешь себе локти кусать? Я пока не стану ему звонить. А как ты там одна? Может, тебе что-то нужно?

– Ничего мне не нужно, я делаю морс из клюквы и пью, а есть мне не хочется.

– А врач? Ты вызвала врача?

– Зачем? Грипп я и сама вылечу... Больничный мне не нужен... Все, Танюша, не могу больше говорить...

Она еще что-то верещала, но я уже не слушала. Уронив трубку на рычаг, я завернулась в плед и закрыла глаза. Мне было так плохо...

Я разлепила веки и почувствовала, что просто умираю от голода. Который час? Десять? Ничего себе! Надо встать скорее, поесть и садиться за работу. Но тут до меня дошло: ведь я больна, у меня грипп. Я прислушалась к своим ощущениям – температуры явно нет, но и сил тоже. Ничего, оклемаюсь. Вдруг я заметила, что на мне розовая ночная рубашка, которую много лет назад подарила вторая свекровь и которую я так ни разу и не надела. Она валялась в шкафу вместе с другими. Странно. Хотя чего не сделаешь в бреду! Однако это было не единственной странностью. На столике возле кровати стояла тарелка с мандаринами. Инга! Ну, конечно, это приехала Инга, моя лучшая подруга, почти сестра. Мне сразу стало легче. Ингуля! Ну, теперь-то я не пропаду! В комнате было прибрано. На спинке стула возле кровати висел махровый халат. Я потянулась за ним. Надо же, чистый! Она даже успела постирать... А я и не слышала, как работала машина. Хотя что я вообще слышала? Ничего не помню, прямо-таки амнезия, как в сериалах. Я поплелась на кухню. Там тоже было чисто и прибрано. А в холодильнике прорва всякой еды. Я включила чайник и отломил кусок батона. Потом бросила в кружку пакетик чая, намазала на хлеб какой-то умопомрачительно вкусный творожный сыр, и жизнь показалась мне поистине прекрасной. Ай да Инга!

Собравшись с силами, я пошла в большую комнату, которую язык не поворачивается назвать гостиной, хотя ее функции именно таковы. Но тут меня ждал еще один сюрприз. На столе в большой вазе стоял поистине роскошный букет желтых и сиреневых хризантем. А на журнальном столике большущая коробка конфет и еловая веточка с шишками в стеклянном кувшине. Что за чудеса? Допускаю, что Инга могла купить цветы, но конфеты? Это исключено. Она не переносит сладкого. Ей такое даже в голову никогда не пришло бы. Танька? Ну, Танька могла бы купить конфеты и даже цветы, но убирать и тем паче стирать она бы не стала.

Какая же я дура! Это они вместе, Инга и Танька. Ну, конечно, ключи от моей квартиры есть у обеих. Инга живет в соседнем доме... Сейчас я ей позвоню, поблагодарю. Но Ингина мама Елена Вячеславовна удивленно сказала, что Инга по-прежнему в Праге и в ближайшее время в Москву не собирается. Тогда я позвонила Таньке. Но у нее никто не отвечал, видно, она отправилась по магазинам. Однако силы мои были на исходе. Я доплелась до кровати и буквально рухнула. Не знаю, сколько я спала, но когда проснулась, за окнами было уже темно. Часы показывали пять вечера. Господи, а какое сегодня число? Сколько времени я провалялась как бесчувственное бревно? В дверь позвонили. Три раза. Это Танька! Но у нее же есть ключи. Я вылезла из постели и побрела в коридор.

– Кто там? – прохрипела я. Тот еще голосок!

– Машка! Ну, слава богу, открой!

Это и в самом деле была Танька. Вид у нее был крайне испуганный.

– Господи, на кого ты похожа! – всплеснула она руками. – Просто узница концлагеря, кожа да кости! Ой, Маш, я уже третий день мучусь, от кого эти цветы и конфеты? А? Такой букетище кучу денег стоит, тем более в это время года. А конфеты какие! Бельгия! Это же чудо! От кого, Машка? – тараторила она. – Ой, Маш, ты сядь, а еще лучше ляг! Ты чего-нибудь ела сегодня, а?

– Бутерброд.

– Хочешь, я тебе омлет сделаю?

– Хочу! Только я пойду лягу!

– Иди-иди, я принесу!

Через десять минут Татьяна принесла мне тарелку с пышным омлетом, горячий чай с лимоном и два куска хлеба с маслом.

– Ешь, несчастная, – со слезами в голосе проговорила она и села рядом с кроватью. – Смотри, не подавись.

Я с жадностью набросилась на еду. А Танька тем временем кинула в стакан с водой какую-то рыжую таблетку.

– Это что? – спросила я с полным ртом.

– Витамин С, растворимый. Тебе надо быстрее поправляться. Работа тебя дожидается.

В недоумении я уставилась на нее.

– Ну, поговорила я с Вырвизубом...

– И что?

– Сказал, что будет ждать, сколько потребуется. Ох, Машка, он так на тебя запал, ужас просто!

– Значит, из-за моих прекрасных глаз...

– Ну, не только... – как-то смущенно проговорила Танька.

– То есть? – насторожилась я. Танька способна на самые неожиданные поступки.

– Понимаешь, Машуня, я когда поняла, что ты надолго выбыла из строя, я ему все же позвонила, и он сначала расстроился и сказал, что придется искать другого переводчика. Ну я тут развопилась, что такого переводчика ему днем с огнем не сыскать и все такое прочее, а он говорит, мол, это еще неизвестно, в конце концов, я непрофессионал и твоя подруга, поэтому не могу судить объективно... Тогда я предложила...

– Что ты предложила?

– Ничего особенного! Я сказала, что возьму у тебя уже сделанный кусок и покажу ему. Ну и показала! А он просто в восторг пришел! И обещал ждать!

– Постой, я что-то ничего не пойму. Ты что, была здесь с ним?

– Боже упаси, я что, псих? Я взяла с твоего стола несколько первых страниц, отксерила их и отдала Вере. А она показала их ему. Вот и все.

– И сколько страниц ты взяла?

- Пять. А что?
- Ну если пять, то ничего, – с облегчением вздохнула я. – Тань, а что со мной было-то?
- Ты была в полной отключке! Я к тебе врача вызывала.
- Послушай, а сколько же я так провалялась?
- Трое суток.
- Ничего себе! Тань, а эту рубашку ты на меня напялила?
- Нет.
- Точно?
- Ну я ж не сумасшедшая!
- И цветы, конечно, не от тебя?
- Еще чего! Своих дел невпроворот, и ты тут с гриппом валяешься... Да и с какой стати я буду тебе такие букеты покупать?
- И белье ты не меняла?
- Нет, я, Машка, честно скажу, очень боялась заразиться, – потупилась Татьяна. – Я тебе только мандарины на столике оставляла и чай в термосе. Ну и лекарства, конечно. Но в квартире явно кто-то еще побывал.
- То-то и оно! Я сперва решила, что вернулась Инга, но оказалось, что она еще в Праге. Ничего не понимаю! Здесь кто-то убирал, стирал, делал покупки, а кто это мог быть?
- У кого еще есть твои ключи?
- Ни у кого. Только у тебя и у Инги.
- А Ингина мама не могла?
- Ингина мама? Не смей меня! Она к родной дочери не подойдет во время гриппа, с чего бы ей разыгрывать тут добрую фею?
- Ой, Машка, как интересно! – Она вскочила и пошла по квартире. А вернувшись, заявила: – Машка, это был мужик!
- С чего ты взяла?
- Чувствую! Причем мужик небедный и нежадный! Колись, подруга, кого ты завела?
- Тань, сама подумай, когда я могла успеть? – улыбнулась я. – И потом, небедный, нежадный, да еще с ключом от моей квартиры? Ох, не нравится мне это! Татьяна, я боюсь!
- Боишься? – задумчиво переспросила она. – А вообще-то и вправду все очень странно. Ой, Машка, надо проверить, у тебя ничего не пропало?
- Мы вместе все обследовали, но на первый взгляд никаких пропаж не обнаружили. Даже двести пятьдесят долларов, оставшиеся от аванса, все так же лежали в сумочке.
- Машка, а у твоих бывших мужей остались ключи?
- Да нет, я после развода всякий раз меняла замки. Да и потом, на такие жесты способен только Козлов, а он давно уже живет в Австралии.
- Но Австралия все-таки на этом свете, а не на том. Он вполне мог приехать...
- И первым делом кинулся изображать из себя волшебника? Не смей меня! Особенно если учесть, как мы с ним расстались...
- Но тогда... Тогда выходит... что это мог сделать только Федор. – В глазах моей подруги отразился неподдельный ужас. – Только он мог взять ключи!
- Татьяна, ты спятила? Ты ничего более идиотского не придумала?
- А вдруг ты – его тайная страсть? Хотя я, наверное, заметила бы... Но Федор ни за что не купил бы хризантемы, он покупает всегда только красные розы. Нет, слава Богу, это не он. И что получается? Машка, это Вырвизуб. Он в тебя влюблен, он небедный и нежадный. Точно, это он!
- Ты сошла с ума!
- При одной только мысли, что Вырвизуб хозяйничал у меня в квартире и, более того, передевал меня, я передернулась от омерзения.

- Но больше просто некому!
- А откуда у него ключи? Получается, что ему их дала ты! – накинулась я на Татьяну.
- Я что, больная? На всю голову?
- Значит, ты ему ключей точно не давала?
- Клянусь богом!
- Нет, поклянись Федором! – потребовала я.
- Да пожалуйста! Клянусь Федором, что не давала никому твои ключи! Ни одной живой душе!
- А Федор? Он не мог дать их...
- Вырвизубу? Он с ним даже не знаком.
- А Вере?
- Вере? – задумалась Танька. – Нет, во-первых, он не знает, где у меня твои ключи лежат, а во-вторых, Веру он терпеть не может... Нет, это исключено. Очень странная история, прямо как в кино.
- Мне лично такое кино не нравится. Кто-то беспрепятственно входит в мою квартиру... Ужас какой-то.
- Да никакого ужаса! Ты что? Это так романтично!
- Ты дура, Танька! Какая романтика? Таинственный незнакомец роется в моих вещах, вот даже рубашку достал, которую я сроду не носила, и, значит, он меня переодевал... И еще белье в машине стирал... Хорошая романтика! Скорее всего, это какой-то маньяк!
- Машка, ты права, это маньяк! Точно, маньяк! Он запросто мог раздобыть ключи, или подобрать, или ловко взломать замок... Надо немедленно звонить в милицию! Немедленно!
- погоди, Тань, у меня голова раскалывается, – взмолилась я.
- При чем тут твоя голова? А что, если он опять явится?
- Но вообще-то он мне никакого вреда не причинил, скорее, наоборот!
- А если он не причиняет вреда только когда жертва без сознания? Может, ему нужно сопротивление, тогда он ее и убивает. Может, для него самый кайф возиться с бесчувственным телом? Тогда как?
- А зачем цветы и конфеты?
- Вот именно, чтобы ты ничего не подумала... Ой, Машка, а вдруг он тебя трахнул, пока ты без сознания валялась?
- Танька!
- Что – Танька? Что – Танька? Я вот в одном романе читала, как маньяк усыплял женщин, потом их трахал, и они оказывались беременными, и некоторые даже считали, что у них непорочное зачатие... Так что надо заявить в милицию!
- Глупости. Надо просто поменять замки, и чем скорее, тем лучше. Прошу тебя, позвони дяде Грише, пусть купит замки и...
- Но тут силы совсем оставили меня. Все-таки я была еще очень слаба. Татьяна, однако, свое дело знала. И через два часа у меня уже были новые замки. Благо дядя Гриша, симпатичный пенсионер и мастер на все руки, жил в соседнем доме и всегда был готов прийти на помощь за весьма скромную плату. Пока он возился с замками, я спала крепким сном, а проснувшись, почувствовала себя куда лучше.
- Машка, ты правда не хочешь в милицию обратиться? – снова завела Танька.
- Да меня же там на смех поднимут. И вообще... Я думаю, не сегодня завтра все прояснится. Уверена, это Ингины штучки...
- Но она же в Праге!
- Ну и что? Поручила кому-нибудь... Она может...
- Раз так, то и замки менять не стоило!
- А если не так?

- Ну все, Мария, мне пора!
 - Что это ты вдруг меня Марией зовешь? В предвкушении непорочного зачатия, что ли?
 - Дошутишься, дура! – И с этим подруга удалилась.
- Думать обо всем происшедшем не хотелось. Хотелось только спать.

...Утром я проснулась и сразу все вспомнила. Но опять ничего не поняла. Поднявшись с кровати, я обошла квартиру и не обнаружила ровным счетом никаких перемен. Так же стояли в вазе хризантемы, и вообще все было так же. Ощувив даже некоторое разочарование, я поставила чайник и прислушалась к себе. Мне явно стало лучше, хотя еще пошатывало и голова кружилась. Ничего, сегодня отлежусь, а завтра с утра сяду за перевод. Я с удовольствием позавтракала деликатесами, которые оставил таинственный незнакомец, улеглась на диван в большой комнате и включила телевизор. Хорошо иногда поболеть в свое удовольствие!

И все же мысли мои то и дело возвращались к загадочной истории. Танька предполагает всякие ужасы, а я теперь уверена, что ничего страшного в этом нет. Наоборот. Просто со мной случилось чудо. Я всю жизнь подсознательно ждала его, и вот оно произошло. Идиотка, одернула я сама себя. Такие чудеса в сорок лет не случаются. К сорокалетним, трижды разведенным дамам обычно принцы не являются, и уж во всяком случае не столь таинственно. Скорее всего, это просто недоразумение.

А вдруг это был кто-то из прошлой жизни, кого я попросту забыла, какой-нибудь бедолага, когда-то в меня влюбленный? Допустим, но как он мог сюда попасть? Чужь какая-то!

Нет, это судьба хочет разубедить меня в том, что все мужики – форменные козлы. А как, спрашивается, у меня могло бы сложиться иное мнение о них, если мой первый муж носил фамилию Козельков, второй был Козлитин, а третий попросту Козлов? Я уж не говорю об их поведении и привычках! И не то чтобы я была мужененавистницей, отнюдь, но уже никакие кретинские поступки представителей сильного пола удивить меня не могут. Поэтому, когда кто-то из подруг начинает жаловаться на мужа или любовника, я всегда отвечаю им так: «Что ты хочешь от мужиков, они все до одного козлы, в большей или меньшей степени».

Из задумчивости меня вывел телефонный звонок.

– Машка, как твоё здоровье? – осведомилась Татьяна.

– Лучше.

– Машка, я все поняла!

– Что ты поняла?

– Ну, про таинственного незнакомца! Это Костя!

– Костя? – поразила я.

– Больше просто некому. А он такой, он вполне способен!

Костя – мой старший брат, правда, он живет в Петербурге, но не так уж редко бывает в Москве. И он, действительно, способен на красивые поступки. Да, похоже, больше некому!

– Татьяна, ты гений! В мою больную голову это не пришло.

– У него есть твои ключи?

– Конечно, есть!

– Вот видишь, как все просто! Хорошо, что ты не дала мне обратиться в милицию. Но вообще-то немножко жалко...

– Тебе жалко, что это Костя, а не таинственный незнакомец? – засмеялась я.

– Именно! А тебе, что ли, не жалко?

– Жалко, Татьяна, еще как жалко! Но приятно, что это не маньяк и мне не грозит сумасшествие из-за непорочного зачатия.

– Ну, судя по шуточкам, тебе явно лучше. В таком случае садись за работу, не стоит злоупотреблять добрым отношением Вырвизуба. Он тебе еще пригодится.

– Танька, по-моему, ты от этой истории все-таки немножко сдурела. Я когда-нибудь нуждалась в твоих нотациях, чтобы сесть за работу?

– Ладно, не злись. У тебя там еще есть еда?

– До фига и больше.

– Тогда все. Только не забывай хотя бы два раза в день пить растворимую аскорбинку!

– Слушаюсь!

– Ну пока!.. Маш!

– Какие еще распоряжения будут?

– Маш, ты все же позвони Косте, – посоветовала подруга. – А то мало ли... Сообщи ему, что у тебя новые замки...

Я хотела сразу позвонить в Питер, но сообразила, что брат уже на работе, а беседовать с его супругницей мне вовсе не хотелось. К тому же он вряд ли посвятил ее в эту историю. Ничего страшного, позвоню вечером. И села за работу. Голова еще плохо соображала, но я пересилила себя и все-таки продвинулась вперед. Через два часа меня неудержимо повлекло в постель, и я сразу уснула. Проснулась от телефонного звонка.

– Маша, детка, куда ты пропала? – услышала я нежный голос своей тетушки Елизаветы Михайловны.

– Ох, Лиза, у меня грипп!

– Но почему же ты не сообщила? Я бы к тебе приехала, помогла... Как ты там одна?

– Да ничего, уже лучше, Татьяна меня опекает, и Костя заезжал...

– Костя? – в голосе ее прозвучало крайнее недоумение. – Когда?

– Ну, я точно числа не помню...

– Но Костя уже больше двух недель в Америке! Это более чем странно.

– В Америке? – упавшим голосом переспросила я. – Ты уверена?

– Еще бы! Маша, в чем дело?

– Если бы я знала!

– Когда у тебя был Костя?

– По-видимому, это был не Костя...

– Что за чушь? Ты что, родного брата не узнала? Маша...

– Я его не видела, но я предположила...

– Ну, вот что, Маша, я ровным счетом ничего не понимаю, кроме одного. Ты нуждаешься в помощи. Я скоро буду! – решительно заявила тетушка и бросила трубку.

Честно говоря, я страшно обрадовалась. Мне ведь предстояло снова мучиться догадками, а вдвоем с тетушкой это куда приятнее, тем более что она даже лучше, чем я, помнит мои любовные истории.

Не прошло и часа, как в дверь позвонили.

– Машенька, что за вид! Ты отошала! Вот тут грейпфруты, они тебе сейчас необходимы! Витамин С прежде всего! Я тебя не целую, ты еще можешь быть заразной. Ты сегодня хоть что-нибудь ела? О, да у тебя в квартире порядок! Господи, какие хризантемы! Откуда, Маша? – она многозначительно улыбнулась мне.

– Я думала, что от Кости.

– Позволь, что значит ты думала?

– Это значит, что я понятия не имею, кто принес эти цветы, эти конфеты, кто тут хозяйничал и наводил порядок. Если не Костя, то я уже не знаю, что и думать!

Она в ужасе уставилась на меня:

– Ты хочешь сказать, что ничего не помнишь?

– Абсолютно! Начисто!

– Это Инга!

– Инги нет в Москве!

- У кого есть ключи от твоей квартиры?
- Теперь уже ни у кого, кроме Таньки. Я поменяла замки.
- Слава богу! Хоть один разумный поступок! Вот что, детка, расскажи мне все с самого начала. Попробуем разобраться вместе.
- Что ж, попробуем, – согласилась я и поведала любимой тетушке все, что знала сама.
- Но это же страшно романтично! – всплеснула руками она. – Просто невероятно! Неужели ты настолько приземленный человек, что не ощущаешь всей прелести?
- Всей прелести не ощущаю, – призналась я. – Меня слишком смущает выстиранное белье и вообще... Меня кто-то переодевал, я ничего не помню. И это мне совсем не нравится. Если бы все ограничилось цветами и конфетами, дело другое, а так...
- Да, может, ты и права, – задумчиво покачала головой тетушка. – А что, если их было двое?
- То есть? – насторожилась я.
- Ну, предположим, здесь были мужчина и женщина. Она занималась тобой, стирала-убирала, а его послала в магазин за продуктами и цветами. Может такое быть?
- В принципе может быть все... Но кто эти мужчина и женщина?
- Какие-нибудь твои друзья.
- Но как они сюда попали?
- Ты же сама их и впустила, только не помнишь этого.
- Амнезия, что ли? – фыркнула я.
- Никакая не амнезия, просто ты была с очень высокой температурой и совершенно ничего не помнишь. Ты открыла дверь, они увидели тебя в таком состоянии и решили помочь.
- Тогда почему они не оставили никаких следов? Могли хотя бы записку написать, мол, мы, такие-то, были тут...
- Может, они заторопились или решили таким странным образом подшутить над тобой. Мало ли что бывает. Возможно, это добрые, но не слишком умные люди.
- Да уж... Сроду не оказывалась в более идиотском положении.
- И у тебя нет даже никаких версий, кто бы это мог быть?
- Ни малейших. Все мои знакомые либо слишком умны, либо слишком бедны для подобных выходов. Сказать по правде, Лиза, мне это совсем не нравится. К тому же теперь еще Татьяна в курсе, а у нее никакие секреты не задерживаются. Так что в результате еще начнут говорить, что это я сама себе все устроила, чтобы напустить таинственности. Что я, наших баб не знаю?
- Ну, это не беда, тут есть простейший выход.
- Какой?
- Татьяна предположила, что это дело рук Кости?
- Ну да.
- Вот и отлично. Скажешь ей, что все выяснилось и это действительно был Костя. По дороге в Америку. Тогда обсуждать это станет неинтересно и вскоре все обо всем забудут.
- Да, это лучший выход... Но я-то не забуду.
- Со временем и ты забудешь. Но не исключено, что скоро это как-то прояснится. Вот тогда и поговорим. А ты успокойся, тебе вредно волноваться, да и не с чего. Ведь ничего плохого не случилось, верно? Любуйся цветами, ешь конфеты и берись за работу. А если тебе захочется поговорить на эту тему, для этого есть я. Я уж никому ничего не разболтаю.
- Лиза, какая ты мудрая! – с облегчением вздохнула я.
- Доживешь до моих лет, тоже помудреешь, – улыбнулась она. – А сейчас я хочу чаю с этими шикарными конфетами. И кстати, что будет с твоим сорокалетием?
- Ничего. Зажму! – ответила я, отправив в рот умопомрачительно вкусную бельгийскую конфету.

Тетушка вопросительно подняла брови, но ничего не сказала, так как тоже была занята конфетой.

– Мне некогда, и к тому же говорят, отмечать сорокалетие – плохая примета.

– Да, я тоже слышала... Маша...

Я точно знала, что последует дальше. И не ошиблась.

– Маша, а от Романа по-прежнему ни слуху ни духу?

Этот вопрос она задает мне вот уже почти десять лет. Я покачала головой. Сама я уже давно пережила эту свою любовную неудачу, а тетушка никак не может смириться.

– Девочка, но ведь это ненормально, что ты одна. В сорок лет нельзя жить без любви, без мужчины, наконец...

– Может, ты мне еще скажешь, где его взять?

– Но мужчин кругом уйма, а с твоей внешностью...

– Но мне не нужен первый попавшийся, да и вообще... Никто мне не нужен. Три мужа, и все козлы...

– А Роман?

– И Роман твой тоже типичный козел! Ты с этим не согласна?

– Нет! Решительно не согласна. Что касается твоих мужей, тут я не спорю... Но Роман...

Ну вот, завелась. По-моему, она сама немного к нему равнодушна. Он и вправду был хорош...

– Впрочем, с мужьями все ясно, – пустилась в рассуждения на любимую тему тетушка, – ты никого из них по-настоящему не любила...

– А я, кажется, вообще еще не любила по-настоящему...

– А Романа?

– Да не знаю я, Лиза, ничего не знаю! И сейчас мне совсем не до любви, уж тем более бывшей. И вообще, ну ее, эту любовь, от нее одни неприятности. Мне сейчас надо деньги зарабатывать.

– Боже, что за поколение! – сжала пальцами виски тетушка.

Мы еще долго пили чай с конфетами, и когда наконец Лиза отбыла, я без сил повалилась в постель. Но, вероятно, я слишком много спала в последнее время, и сон не шел. Тетушкины разговоры все-таки взбаламутили меня, и я стала вспоминать свою дурацкую жизнь.

Первый раз я выскочила замуж за Пашку Козелькова, когда мне стукнуло восемнадцать. Все говорили, что мы самая красивая пара в инязе. Он и вправду был хорош. И поначалу мы были влюблены друг в друга как сумасшедшие, но потом я вдруг стала замечать, что он очень подолгу смотрится в зеркало, любит себя. Совсем как баба. Я никогда в жизни не торчала подолгу у зеркала, и так знала, что красива. А он... И еще он болезненно интересовался тряпками. И был вечно недоволен тем, что я, по его мнению, слишком небрежно одеваюсь. Однажды он сказал, недобро глядя на меня:

– Завтра мы идем на свадьбу, пожалуйста, приведи себя в божеский вид, мне не хотелось бы, чтобы люди сказали, что я женат на лахудре.

– Успокойся, Паша, так никто и никогда не скажет, поскольку с этой минуты ты на мне уже не женат! – И не успел он опомниться, как я собрала свои вещички и вернулась к матери. Она была до смерти рада. Паша ей никогда не нравился.

Наш брак длился всего год. Правда, Паша долго еще таскался за мной, просил прощения, канючил, но ничто уже не могло меня поколебать. Он для меня перестал быть мужчиной. Все кругом считали, что я должна страдать, но я нисколько не страдала. Наоборот, я с новой силой ощутила радость жизни, которую едва не утратила в этом браке.

После окончания института я почти сразу вляпалась в новый брак. Александр Дмитриевич Козлитин был не чета Козелькову. Старше меня на десять лет, подающий большие надежды

доктор технических наук, веселый, жизнерадостный, он умел красиво ухаживать, говорить именно те слова, какие мне хотелось слышать, и я без памяти в него влюбилась. И только Костя сказал мне тогда:

– Сестренка, тебя не настораживает сходство фамилий? Больно уж они однокоренные.

Но в тот момент я была слишком влюблена, а в этом состоянии, как правило, я начисто лишаюсь чувства юмора. И на завуалированное предостережение всегда очень деликатного брата попросту не обратила внимания.

Мама и тетушка тоже не были в восторге от нового жениха, хотя теоретически он должен был им понравиться. Из хорошей семьи, интеллигентный, начитанный, веселый... Я недоумевала, чем он их не устраивает. Но когда через полгода его послали работать по контракту в Западную Германию, мне многое стало ясно. Но, разумеется, не сразу. Поначалу я была на седьмом небе – еще бы, в те годы это было огромной удачей – поехать на несколько лет за границу, а в моем случае особенно: мне предоставлялась идеальная возможность попрактиковаться в живом немецком. Поселились мы в крохотном городке Рейнбах, неподалеку от Бонна. И вот тут началось! Уже через месяц я поняла, что абсолютно не знала собственного мужа. Оказалось, что он не то чтобы жаден, но чудовищно расчетлив. Я должна была экономить каждый пфенниг, что было мне глубоко чуждо.

– Пойми, – говорил он мне, – у нас в жизни может уже не быть такой возможности зарабатывать приличные деньги, а нам еще столько нужно...

Я все терпела, единственное, что позволяла себе, – иногда посидеть в кафе, да и то не в Рейнбахе, а в Бонне, куда время от времени моталась на распродажу в одном из универсальных магазинов. Я не съездила за год никуда, кроме Кельна. И однажды я взмолилась:

– Саша, давай на выходные съездим хотя бы в Мюнхен, я так давно мечтаю туда попасть, или, еще лучше, в Любек!

Он посмотрел на меня как на полоумную, укоризненно покачал головой и спросил:

– А ты представляешь себе, сколько это будет стоить?

– Сашенька, ну пожалуйста, я очень тебя прошу!

– Машка, кончай бодягу! – ответил мне доктор наук, рафинированный интеллигент.

Я заткнулась, но затаила зло. И когда неделю спустя в боннском уличном кафе под цветущими розовыми каштанами ко мне приклеился Райнер, симпатичный веселый немец, который давно не сводил с меня глаз, я не стала кочевряжиться, а с удовольствием приняла приглашение поужинать и потанцевать нынче вечером. Поскольку Козлитин обычно возвращался довольно поздно, я могла спокойно уйти из дому, что я и сделала, наведя немислимую красоту и оставив мужу записку следующего содержания: «Умираю с тоски. Решила развлечься сама. Материального урона ты не понесешь. Целую. Маша».

Райнер ждал меня на станции с машиной. Мы весело болтали всю дорогу, потом ужинали в уютном маленьком ресторане. Он ухаживал за мной по всем правилам, а я все время думала, интересно, как Козлитин отнесется к фразе о материальном уроне? Мне казалось, что я невероятно остроумна. Райнер в этот вечер ничего себе не позволил, был галантен и безупречен. Зато мой супруг встретил меня увесистой затрепщиной и потоком самой отборной ругани, произносимой, впрочем, почти шепотом – чтобы соседи не услышали. От этого все казалось каким-то ненастоящим, глупой и некрасивой игрой. Однако утром я обнаружила, что щека здорово вспухла, и этого я уже не смогла перенести. Я позвонила маме и попросила прислать мне срочную телеграмму с просьбой приехать в Москву. Телеграмма пришла. Козлитин не стал возражать против моего отъезда.

Так закончился мой второй брак. И я приняла непоколебимое решение больше не выходить замуж. Очевидно, я не создана для семейной жизни, тем более выяснилось, что у меня не может быть детей. А раз так, то зачем? Можно прекрасно жить и не связывая себя брачными узами.

Но прошло несколько лет, и я познакомилась с человеком, который показался мне надеждой и опорой. Правда, меня немного смутила его фамилия – Козлов, но желание к кому-то прислониться – в стране уже «бушевали ветры перестройки» – оказалось сильнее, и я вышла замуж. И снова ошиблась. Козлов был человеком жестким, умел зарабатывать деньги, по мере возможности стараясь избегать криминала. И еще увлекался политикой, входил в Межрегиональную группу, а на меня почти перестал обращать внимание. Вся его любовь ограничивалась деньгами. Теперь я иногда думаю, что это было не так уж плохо, но тогда я ужасно огорчилась. Посудите сами, каково молодой влюбленной женщине смириться с тем, что супруг в постели обсуждает с нею политическую ситуацию в стране, не замечая восхитительной ночной рубашки или полного отсутствия таковой? Я обижалась, злилась, потом пыталась проявить понимание, вникнуть в его дела, но ничего не помогало. Наша близость случалась не чаще раза в месяц, да и то наспех, невнятно, и не приносила никакого удовлетворения, даже морального. Я не выдержала, высказала ему все, что думаю, и ушла. Он страшно расстроился, пытался меня вернуть, а потом вдруг выяснилось, что ему все-таки не удалось избежать криминала, его прижали, и он был вынужден срочно смотаться за границу. Слава богу, мы до этого успели развестись.

Я погоревала, но недолго: надо было думать о куске хлеба, а переводы, которыми я раньше неплохо зарабатывала, стали приносить все меньше и меньше, хотя работала я все больше и больше. Пришлось еще давать уроки немецкого, но как ни трудно мне было, думать о новом замужестве не хотелось. Конечно, случались какие-то романы, вполне мимолетные. В то время всем было не до любви, и мужчинам и женщинам... Когда меня спрашивали, почему такая красивая женщина живет одна, я отвечала: «С меня хватит, я трижды была замужем, и все мои мужья были козлы».

А потом вдруг я влюбилась, до сумасшествия, до отчаяния. Он был известным, даже знаменитым пианистом, невероятной романтической красоты, умным, ироничным, – словом, я видела в нем одни только достоинства. Еще бы: высокий, стройный, с густой гривой седых волос, жгучими черными глазами, великолепный музыкант, интеллеktуал, умница. Женщины из-за него сходили с ума. Но... он был алкоголиком. Настоящим, запойным. Когда мы встретились, он не пил уже полтора года, был в прекрасной форме. И очень много гастролировал, из-за чего мы виделись нечасто, но тем упоительнее были эти встречи. А потом он сорвался, запил... И куда что девалось? Он превратился в обычного подзаборника. Я искала и находила его в каких-то жутких компаниях, пыталась лечить, но результатом было лишь то, что он начал пить один, дома, и это было страшнее всего. Мое сердце разрывалось от жалости, и вместе со мной страдала тетушка Лиза, которой я только и могла излить душу, ибо мама и подружки все как одна уговаривали меня бросить Романа и твердили, что его запои не должны быть для меня неожиданностью, что о них давным-давно знает вся Москва, и вообще, у него есть законная жена, она не дает ему развода, вот пусть с ним и возится. Но я была не в состоянии так легко отказаться от своей великой любви. Мне чудилось, что только я смогу его спасти, что я отчасти виновата в его срыве – словом, воображала себя новой декабристкой и готова была на любые подвиги. И я их совершала. Я отыскивала каких-то лекарей-знахарей, потом знаменитых профессоров. Некоторым из них удавалось приводить его в чувство на неделю или даже месяц, а потом все начиналось сначала.

Но вдруг ему стало лучше, начался долгий просвет, он вновь целыми днями сидел за роялем, словно черпая в нем новые силы, а я по мере возможности улаживала его дела, здорово пошатнувшиеся из-за долгого пьянства, – короче, трудилась, что называется, в поте лица и даже, встав на уши, поехала с ним на гастроли по странам Бенилюкса и Германии. Не могу передать, какой гордой и счастливой я себя чувствовала, сидя в зрительном зале, когда публика награждала его овациями. Он опять играл изумительно, особенно Шопена, Листа, Дебюсси. Я снова ощущала острую влюбленность в этого ослепительного мужчину и музыканта, напрочь забывая о том, каким он бывал во время запоев.

Он был мне благодарен или делал вид, что благодарен, и, безусловно, нуждался во мне. Но любил ли он меня? Не уверена, что он вообще был способен на настоящую любовь в моем понимании этого слова. Слишком много душевных сил уходило у него на борьбу со своим недугом и на любовь к музыке. Но я готова была смириться со своим третьим местом в его жизни. Однако не ниже! Четвертое меня уже не устраивало, и потому, когда мне его предложили, я категорически отказалась.

Дело было так: мы уже неделю жили в Вене. Он давал там концерты, а потом еще должен был провести мастеркласс, после чего мы собирались две недели отдохнуть в чудесной горной деревушке, где был крошечный уютный отель с прекрасным старым «Бехштейном». То есть перспективы были самые радужные. И вдруг меня вызвали в Москву. Тяжело заболела моя мама. Я застала ее в больнице, задыхающуюся, с посиневшими губами, и она умерла у меня на руках пятидесяти семи лет от роду. Меня душило отчаяние и чувство вины. Мне казалось, если бы я была в Москве, с нею, может, я сумела бы ее выводить, хотя врачи сказали, что сердце ее было безнадежно изношено и вообще непонятно, как она жила с таким сердцем.

Тетушка Лиза уже через несколько дней после похорон стала настаивать, чтобы я вернулась к Роману.

– Пойми, – говорила она, – маму уже не вернуть. А он там один. Он нездоровый человек, и к тому же артист, у него куча поклонниц, и уж кто-нибудь из них непременно попытается занять твое место, тем более что ты-то ему не жена.

– Пусть попробуют, – грустно улыбалась я, – это удовольствие ниже среднего. Вытаскивать его из запоев, выслушивать его пьяные бредни...

– Деточка, они ведь этого скорее всего не знают, они видят романтического красавца, изумительного музыканта, одинокого мужчину, наконец! Ты должна ехать, если ты его любишь.

Я любила. И поехала. Но тетушка как в воду глядела. Уже на третий день я обнаружила, что одна из слушательниц мастер-класса, обворожительная итальянка Лилиана смотрит на Романа как-то уж очень по-хозяйски, что ли. Мне это не понравилось. Я стала приглядываться и поняла, что подозрения небеспочвенны. В мое отсутствие между ними явно что-то произошло. Что именно, догадаться было нетрудно. Мне хотелось устроить скандал, оттаскать за волосы юную красотку, разбить что-нибудь, выкричаться, но... Я взяла себя в руки и решила посмотреть, что будет дальше. В конце концов небольшой зигзаг мало что значит, к тому же, Лиза права, я все-таки не жена Роману. И я сдержалась. Но в один прекрасный день эта юная нахалка заявила ко мне в гостиницу и, смущенно опустив свои потрясающие глаза, проговорила:

– Синьора, я должна вам сказать, что мы с Романом любим друг друга.

Я промолчала, выжидательно глядя на нее. Она немного смешалась, очевидно ожидая от меня бурной реакции, но на удивление быстро справилась с собою и продолжила:

– Мы любим друг друга и хотим быть вместе.

Тут уж я не выдержала и спросила:

– А Роман знает, что вы пришли ко мне с этим разговором?

– Нет, но...

– Значит, вы действуете на свой страх и риск?

– Не совсем... Он хотел сам поговорить с вами... Но... Просто он щадит вас, вы потеряли мать... у вас горе... и он не решается...

– А вы, значит, решились? Прелестно!

– Я люблю его и не могу больше ждать. К тому же вы ведь уже не любите его.

– Это он вам сказал?

– Да. И я решила взять это на себя... Он великий музыкант, и я счастлива избавить его от любой трудности.

– Сколько вам лет?

– Двадцать. А какое это имеет значение? – насторожилась она.

– Может, и никакого, просто только в ранней молодости можно так легко распоряжаться чувствами и судьбами других людей в угоду собственной прихоти.

Произнеся это, я вдруг ощутила себя такой старой и несчастной, что чуть не взвыла. Мне хотелось рассказать этой влюбленной красавице, что ждет ее рядом с Романом, но я сочла это ниже своего достоинства.

– Но что вы от меня хотите?

– Разве вы не понимаете? – с мольбой в голосе спросила она. Видно, этот разговор и ей нелегко давался.

– Понимаю, вполне понимаю, – усмехнулась я. – Надеюсь, вы не ждете от меня немедленного ответа?

– Нет, что вы... Я просто хотела, чтобы вы знали...

И она выскочила из комнаты.

Когда Роман вернулся, я невероятным усилием воли сдержала себя, ни словом не обмолвилась о визите Лилианы, и мы пошли обедать в маленький ресторанчик неподалеку от гостиницы. Он был оживлен, даже весел, и, по-видимому, не замечал чудовищного напряжения, в котором я находилась, или же приписывал его пережитому мною горю. В его глазах все время сиял какой-то счастливый огонек. Вот этого я уже не могла вынести. И все-таки промолчала. Но для себя все решила. В моем отношении к нему кроме любви присутствовала еще и некая обреченность – что с ним будет, кто станет выхаживать его, ведь он глубоко больной человек, и так далее, и так далее. Я понимала, что ничего романтического между нами уже не осталось после всего, что мы пережили вместе. А он, видимо, отчаянно нуждается в романтической любви, которой я не могу ему дать при всем желании. Что ж, может, и для меня это будет спасением?

И на другой день, когда он ушел в консерваторию, я быстренько сложила свои вещи, погрузила их в такси и, не оставив даже записки, так как боялась, что залью ее слезами, переехала в другую гостиницу, где проревела всю ночь, а утром улетела в Москву.

Так закончилась моя самая большая любовь. Тетушка Лиза нещадно меня ругала, говорила, что я еще горько пожалею о своей глупости, а Инга, наоборот, сказала, что это самый здравый поступок за всю мою жизнь, что жертвенность вообще не мой жанр, что я должна по гроб жизни быть благодарна Лилиане, одним словом, всячески поддерживала меня.

– И не слушай ты свою тетку, она сама по уши влюблена в Романа!

– С чего ты взяла? – удивилась я. Мне такое раньше в голову не приходило.

– Я же не слепая и не дура! – отрезала Инга.

И все-таки по возвращении в Москву я впала в депрессию, все ждала, что он хотя бы позвонит мне, поблагодарит за все, что я для него сделала, но напрасно. Он не мог заставить себя так поступить, хотя наверняка терзался раскаянием. А может, и не терзался, а просто блаженствовал со своей юной красоткой. Ну и на здоровье.

И вот завтра мне уже сорок. Я всем объявила, что юбилея не будет. Но для себя решила: последние десять лет относительной молодости я буду жить иначе. И первое, что я сделаю завтра с утра, – отрежу волосы. В сорок лет ходить с такой гривой уже не подобает! И я это осуществила. Проснувшись очень рано, я села за работу, а в десять отправилась в расположенный неподалеку новый парикмахерский салон, где было не слишком много посетителей и не слишком высокие цены. Немолодой мужчина-мастер, сразу внушивший мне доверие, сказал с сожалением:

– Зачем резать такие шикарные волосы?

– Надоели! – заявила я. – И потом, мне уже сорок лет!

– И вы думаете, что в сорок лет надо отрезать такую роскошь?

– Непременно! Да и вообще... Хочу начать новую жизнь!

– Ну, если новую жизнь, тогда дело другое. Только вы никому не говорите, что вам сорок. Больше тридцати трех вам ни за что не дашь!

– Спасибо.

Он долго смотрел на меня в зеркало, обдумывая, как лучше постричь, а потом спросил:

– У вас есть какие-нибудь идеи?

– Да нет, я только не хочу очень коротко...

– Боже упаси, об этом не может быть и речи! Такие роскошные волосы должны быть видны. Может, еще подумаете, дама?

– Нет, все обдумано. Режьте!

Через час он закончил возиться с моей сорокалетней головой.

– Что ж, неплохо получилось! – произнес он с удовлетворением.

Женщина в зеркале показалась мне незнакомой, но очень и очень привлекательной. Неужели это я?

– Нравится? – осведомился мастер.

– Да! Спасибо! Это то, чего я хотела!

– Рад!

– Если вы не против, я буду вашей постоянной клиенткой!

– Договорились. Меня зовут Василий Семенович!

– А я Мария Никитична Шубина. Как вы думаете, когда мне теперь надо прийти?

– Не раньше, чем через месяц, а то и через полтора.

Я вышла на улицу страшно довольная и старалась заглядывать во все витрины, где можно было уловить свое отражение. Хорошо, что сегодня не холодно и можно идти без шапки. Очень хотелось пройтись по улицам, подышать воздухом, но времени не было, пора возвращаться к работе. Ничего, Машка, сказала я себе, чем скорее ты кончишь работу, тем скорее купишь новую дубленку. А то с этой стрижкой особенно заметно, как вытерся воротник у старой. Его, конечно, можно довольно эффектно прикрыть модным шарфом, подаренным Ингой, но...

Я побежала домой. Не прошло и часа, как в дверь позвонили. Кого это черт принес? На пороге стояла молоденькая девушка с букетом цветов.

– Шубина Мария Никитична это вы?

– Я.

– Тогда распишитесь, пожалуйста!

Я расписалась в затрепанной тетрадке и приняла букет. Сердце почему-то тревожно забилося. А вдруг эти цветы от того таинственного человека? Букет был завернут в несколько слоев шелковистой бумаги. Дрожащими руками я стала срывать бумагу. Вот еще мгновение – и все выяснится. И действительно выяснилось. Пять крупных белых роз и визитка «Борис Евгеньевич Вырвизуб». На обороте визитки мелким педантичным почерком написано: «Прелестнейшей из переводчиц в день рождения с надеждой на успешное сотрудничество». Разочарованию моему не было предела. Однако белые розы зимой мне не так уж часто дарят. И я поставила их в воду. Красивые, никуда не денешься.

Работать мне в этот день не давали. То и дело звонил телефон. А ближе к вечеру позвонила Танька.

– Ты работаешь? – с места в карьер спросила она.

– Пытаюсь.

– Не дают? – догадалась она.

– Точно! А почему это ты меня не поздравляешь? – Успею! – засмеялась она. – Есть предложение.

– Танька, какие предложения, мне работать надо. – Ну, Машуня, пожалуйста! – взмолилась она. – В чем дело-то?

- Федор нас с тобой приглашает сегодня в шикарный ресторан!
- В ресторан? С какой стати? – страшно удивилась я. На Федора это было непохоже.
- Понимаешь, там будут деловые переговоры, у Федора, а мы уж заодно...
- Да я-то тут при чем, Тань?
- Но я же одна там со скуки сдохну. Машуня, пойдем!
- Ты предлагаешь нам вдвоем со скукидохнуть? Нет уж, у меня есть контрпредложение.

Приходи ко мне, посидим вдвоем, чокнемся за мой день рождения. Чем плохо?

– Совсем даже неплохо, – горестно вздохнула Танька, – но Федор требует, чтобы я пошла с ним, а то, говорит, приглашу девушку по вызову...

– Танька, ты должна пойти, но я-то тут при чем? – отнекивалась я. Но случайно взгляд мой упал на зеркало, на новую прическу... А в самом деле, почему бы не пойти, не поесть чего-нибудь вкусенького, не показаться на люди после долгого перерыва?

Татьяна почувствовала мои колебания.

– Машуня, пойдем! Хоть поедим, выпьем, как белые женщины!

– Ладно, уговорила, речистая! Только что надевать? Я сто лет не была в ресторанах. Вечерних платьев у меня нет, сама знаешь!

– Да на кой они сдались! Надень что хочешь, большое дело! Маш, ты умница, я так рада! Ты собирайся, а через полтора часа мы за тобой заедем!

– А в какой ресторан-то пойдем? – уже заинтересовалась я.

– Понятия не имею. Не все ли равно? Уж точно, что в хороший! Все, пока, мне еще голову помыть надо. Жди нас!

Ну что ж, совсем даже неплохо пойти в день рождения в ресторан. Вполне укладывается в полоса везения. А вдруг будет весело? Может, удастся потанцевать... Я так давно не танцевала... Ой, а что же надеть? Я бросилась к шкафу. У меня есть так называемое маленькое вечернее платье, правда, я купила его еще в Вене, когда ходила с Романом в оперу, на концерты. Оно, конечно, уже не модное, но можно что-то придумать... Однако платье оказалось безнадежно широко, я с тех пор здорово похудела, особенно после гриппа. Не пойдет. И вообще, что-то я обносила. Совершенно нечего надеть на такой случай... И тут же я приняла решение: все деньги, которые получу за поваренную книгу, потрачу на шмотки. В конце концов мне всего сорок лет, я красивая... и у меня полоса везения! В результате я надела узкую черную юбку и блузку из зеленого шифона под цвет глаз. Туфли у меня вполне приличные, вот дубленка подкачала, впрочем, черт с ней! «Во всех ты, душенька, нарядах хороша!» – сказала я себе и принялась красить ресницы.

Вскоре в дверь позвонили. Это оказалась Танька, с букетом и коробкой.

– Ну, ты готова? – выпалила она. – Вот, подруга, это тебе в честь славной даты! Ой, постриглась! Как тебе идет! Отлично, помолодела лет на десять. Блеск! Дай-ка я тебя поцелую!

Мы расцеловались. Я побежала ставить цветы, а Татьяна тем временем распаковывала коробку. В ней оказался роскошный махровый халат нежно-розового цвета, два таких же полотенца и тапочки.

– Татьяна, спасибо, какая прелесть! Как раз то, что нужно! – искренне обрадовалась я. – Тебе правда нравится моя стрижка?

– Класс! Маш, дай чашку кофе, Федор заедет за нами минут через двадцать.

Я включила чайник, насыпала в чашку кофе и выбросила пустую банку. Ведро было переполнено. Надо вынести, ненавижу оставлять мусор. Подойдя к мусоропроводу, я услышала жалобное мяуканье, вернее, просто писк. На полу сидел крохотный черный котенок и смотрел на меня большими да к тому же голубыми глазами. У меня сжалось сердце. Это судьба!

– Что, маленький? Бросили тебя?

Я нагнулась и взяла его на руки. Он сразу прижался ко мне, все его тельце сотрясала дрожь. Я схватила ведро и ринулась в квартиру.

- Танька! Смотри, что я нашла!
Она выскочила в прихожую.
- Ой, какой хорошенький!
Я распахнула холодильник. Слава богу, молоко есть. Я его чуть-чуть подогрела, и вскоре котенок уже громко лакал молоко.
- Тань, знаешь, я никуда не поеду!
– Что? – не поняла Татьяна. – Куда не поедешь?
– Ну с вами, в ресторан не поеду!
– Почему?
– А как я тут его одного брошу?
– Ты хочешь его себе оставить? А если он блохастый?
– Подумаешь, большое дело! Выведу!
– Маш, ты серьезно?
– Конечно! Вот поест, я его вымою... Мне, Танька, его Бог послал в подарок на сорокалетие. Черные кошки счастье приносят.
- Скажешь тоже! Но вообще-то он чудный... Слушай, а он кот или кошка? У таких маленьких и не разберешь.
- А мне все равно. Я ему уже имя и фамилию придумала.
– Фамилию? – прыснула Танька. – Козловский? Это было бы в твоём стиле!
– Нет, это мне подарок ко дню рождения, а по-немецки подарок «гешенк», сокращенно Геша, подойдет и для мальчика, и для девочки. А фамилия Глюк.
- Кажется, «глюк» – это счастье?
– Вот именно! Геша Глюк, чем плохо?
– Дура ты, Машка, просто отпетая дура, – рассмеялась Татьяна. – Но все-таки не понимаю, почему ты не можешь поехать в ресторан?
– Да у меня минутки спокойной не будет! И потом, его надо помыть, сортирчик ему устроить, постельку.
- Нет, ты точно ненормальная, – покачала головой подруга. – Ну, как говорится, была бы честь предложена, а вообще-то я бы и сама тут с тобой осталась. Неохота одной с этими мужиками в кабаке переться. Надоело.
- Зазвонил телефон.
- Это Федор! – воскликнула Татьяна и схватила трубку. – Да, Федя, я. Сейчас спущусь. А Маша не сможет, она себя плохо чувствует, все-таки после такого тяжелого гриппа. Все, иду!.. Знаешь, – повернулась она ко мне, – я ему про котенка говорить не стала. Он бы не понял.
- Спасибо тебе, Танюша, за цветы, за подарок...
– А между прочим, от кого эти розы? – поинтересовалась она, заглянув в большую комнату.
- От Вывизуба!
– Ничего себе! Откуда он про день рождения знает? Я ему не говорила.
– Так у него же записаны мои паспортные данные в договоре.
– Слушай, Маш, а ведь он и вправду втюрился.
– Да ради бога, мне не жалко!
– Зря смеешься. Очень полезный дядечка. Ты его уже поблагодарила?
– Нет еще. Успеется.
– Не откладывай! Завтра же позвони!
– Слушаюсь, ваше превосходительство!
– Да ну тебя! Все, я побежала! – И дверь за нею захлопнулась.
- Я хотела вернуться в кухню, к котенку, но увидела, что он сидит на пороге и выжидательно на меня смотрит.

– Ну что, Геша, будем мыться или сперва поспим? Поспим, конечно, а кстати, ты совсем даже негрязный. Признавайся, удрал откуда-то, да? Там, может, дети плачут, тебя ищут, а ты тут прохлаждаешься.

Я взяла его на руки, раздвинула шерстку на вздувшемся от молока пузе. Блох не было. И пахло от него домашним котенком. Что же делать? Наверное, надо бы повесить объявление, что найден котенок? Но мне так не хотелось с ним расставаться. И я решила: если те, кто Гешу упустил, будут его искать, я его верну. А если нет, извините, тогда уж он мой, на полном и законном основании. Что с возу упало, то пропало! И не успела я это подумать, как Геша Глюк замурлыкал, словно в нем включился моторчик. Не отдам! Никому не отдам! У меня полоса везения, и этот живой комочек – тоже мое везение. Зазвонил телефон, Геша вздрогнул. Я подхватила его на руки и сняла трубку. Незнакомый мужской голос попросил Марию Никитичну.

– Это я.

– Здравствуйте, Мария Никитична, я приехал из Торонто, привез вам письмо и маленькую посылочку, ну и, разумеется, приветы.

– О! – обрадовалась я. – От Белиловских, да?

– Верно.

– Как они там?

– Видите ли, я, собственно, с ними едва знаком... Просто меня попросили...

– А, поняла. Спасибо большое. Как же нам увидиться?

– Вообще-то я на машине, – неуверенно начал он, – а вы, судя по номеру телефона, живете где-то в центре?

– Ну да...

– Хотя нет, простите, я совсем забыл, – вдруг спохватился он. – Если вам несложно, может, мы встретимся где-то в городе?

– Сегодня? Нет, сегодня я не могу!

– Да-да, я сегодня тоже не могу, я забыл... А вот завтра... Какие у вас маршруты?

– Нет у меня никаких маршрутов, я безвылазно сижу дома, работа такая! – раздраженно ответила я. Идиот какой-то! Сначала предлагает привезти все домой, а потом... Джентльмен, называется! – Впрочем, могу встретиться с вами на каком-нибудь углу или на остановке транспорта.

– А в котором часу вам удобнее?

– Это зависит от того, куда я должна буду переться!

Он, кажется, почувствовал мое настроение. Но остался непреклонен.

– Вас не затруднит подойти к остановке троллейбуса Б, напротив «Форума»?

– Нет, не затруднит! – обрадовалась я. – Мне до этой остановки пять минут ходу.

– Ровно в десять устроит?

– Вполне. Хотя... Вы имеете в виду десять утра?

– Разумеется!

– Тогда устроит. Но как мы друг друга узнаем? Я буду в темно-зеленой куртке. Волосы у меня рыжие.

– А я на зеленом «Фольксвагене» в цвет вашей куртке, – засмеялся он. – Зовут меня Максим Павлович. Так, значит, ровно в десять, Мария Никитична?

– Да, да, непременно. Спасибо!

– До встречи!

Так, интересно, что же мне пишут друзья? И что прислали в подарок? Надо дожить до утра. Ничего, с Гешей Глюком это несложно. Он давно спал у меня на коленях. Я осторожно переложила его на диван, нашла просторную обувную коробку, выстелила ее стареньким махровым полотенцем и отправила туда Гешу. Он даже головы не поднял. Я уже без памяти его любила. Что ж, не такой уж плохой день рождения получился. Цветы, подарки. И вот завтра

еще посылка из Торонто. А у этого мужика приятный голос, интеллигентный, только он, наверное, псих, сейчас каждый второй псих, – почему он вдруг раздумал ехать ко мне? Испугался, что я его изнасилую? Впрочем, какая разница? Просто такой же козел, как они все!

Утром я вскочила рано, накормила Гешу, уже кажется вполне освоившегося в новом жилище, выпила чашечку кофе и решила все же навести легкий марафет, чтобы этот мужик на зеленом «Фольксвагене» пожалел, что не привез посылочку ко мне домой. Хорошо, что сегодня не слишком холодно и вполне можно выйти в куртке, у нее вид куда приличнее, чем у дубленки, которую я в последнее время просто возненавидела. Коричневые вельветовые брюки, коричневый шарф. Очень даже недурно, решила я, и без пяти десять вышла из дому.

Ничего похожего на зеленый «Фольксваген» я поблизости не обнаружила. Опаздывает, черт бы его взял.

– Здравствуйте! – раздался за моей спиной мужской голос. – Вы Мария Никитична?

Я обернулась. О, бывает же такое! От его улыбки у меня захватило дух, хотя он вовсе не блистал красотой. Довольно высокий, широкоплечий. А улыбка...

– Здравствуйте, – взяв себя в руки, кивнула я. – А где же ваш «Фольксваген»?

– Да я его во дворе поблизости поставил, у меня еще одно дело тут было... Рад знакомству.

Он смотрел на меня с некоторым удивлением.

– Почему вы на меня так смотрите? – вырвалось у меня.

– Просто не ожидал...

– Чего вы не ожидали?

– Не ожидал встретить столь интересную женщину. Просто, можно сказать, остолбенел, – засмеялся он.

– Настолько остолбенели, что забыли про посылку, да?

– Ох, а ведь верно!

Он сунул руку за пазуху кожаной куртки и вытащил небольшой пластиковый пакет.

– Вот, здесь письмо и...

– Спасибо. Вы были очень любезны... – проговорила я и замешкалась. Мне так не хотелось уходить.

– Да не за что. Рад был познакомиться... Маша... А вас куда не надо подвезти? У меня сейчас есть время, и я на машине...

– Подвезти? – удивилась я. И тут же сообразила. – Да! Надо! Просто очень-очень надо! До ближайшего магазина, где продают всякий кошачий инвентарь.

– Кошачий инвентарь? А что это?

– Ну, лоточек и то, что теперь кладут туда вместо песка... потом еще корм...

– У вас есть кошка?

– Котенок, вчера приبلудился. Надо же ему все устроить...

– Разумеется! – почему-то обрадовался он. – Я знаю такой магазин. Поехали!

Его «Фольксваген-пассат» стоял в соседнем дворе. Он, как положено джентльмену, распахнул дверцу, помог мне сесть, закрыл дверцу и лишь после этого сел за руль.

Выехав на Садовое кольцо, он вдруг спросил:

– А какой масти котенок?

– Черный, только пузо белое.

– Мальчик?

– Черт его знает, он еще такой крохотный, не разберешь.

– Покажете? Я разберусь.

Ага, уже напрашивается в гости! Я была жутко рада.

– Покажу, почему не показать. Только мне сердце подсказывает, что это мальчик.

Магазин был неподалеку. Максим Павлович пошел туда со мной и во всем принимал самое деятельное участие.

– Послушайте, Маша, этот лоток не годится, – решительно заявил он, беря у меня из рук тот, что я выбрала.

– Почему?

– Потому что котенок у вас еще совсем маленький, а тут вон какой высокий бортик, это для здорового котяры.

– Ох, и правда, – согласилась я. Не могла же я сказать, что и сама не такая уж дура, просто его присутствие меня волнует и сбивает с толку.

В результате я накупила много всякой кошачьей всячины, которая, кстати, оказалась отнюдь не дешевой. Ничего, решила я, есть же поговорка: если Бог дает детей, он дает и на детей. Так почему нельзя отнести это же к божьей твари?

Мешок с «Катсаном» оказался весьма увесистым, Максим Павлович не позволил мне ничего нести, погрузил все в багажник и спросил:

– Еще что-нибудь нужно?

– Кажется, нет.

– Ну, может, картошки?

– Картошки? Да нет, спасибо, картошка есть.

– А в запас?

– Нет, в запас не надо. Она у меня попросту сгниет.

– Тогда я не знаю... – с сожалением вздохнул он. – Просто неохота с вами расставаться...

Вот я и ищу предлог!

– Но вы же обещали определить пол котенка, – со смехом напомнила я. – А я за это напою вас чаем или кофе.

– Маша, вы умница! – возликовал он.

Когда мы входили в квартиру, телефон буквально разрывался. Я схватила трубку.

– Машка, наконец-то! – закричала Татьяна. – Ты не представляешь, что вчера было! Это какой-то кошмар! – захлебывалась она. – Тебе так повезло, что ты не пошла с нами! Это просто уму непостижимо!

– В чем дело? – испугалась я.

– Там была настоящая мафиозная разборка! Ворвались какие-то братки с пистолетами, угрохали двух кавказцев, кровищи было, ужас... Я думала, мы живые оттуда не выберемся. Потом менты приехали, нас до утра продержали, допрашивали... – Татьяна всхлипнула.

– Какой ужас! Федор цел?

– Слава богу! Но страху я натерпелась... И такой вроде приличный ресторан, говорят, там сроду ничего похожего не было. Тебе здорово повезло, что ты не пошла!

– Это он, мой Геша, меня спас!

– Геша? Ах да, его же зовут Геша Глюк! Нет, Маш, ты представляешь, сидим себе спокойно, ужинаем и вдруг трах, бах, крики, вопли!

– Тань, извини ради бога, но тут ко мне пришли, я тебе потом позвоню.

– Кто это к тебе пришел?

– Да вот Белиловские письмо с оказией прислали... – Правда? Ладно, только потом позвони обязательно.

Между тем мой гость уже заглянул Геше Глюку под хвостик.

– Ну, что скажете?

– Несомненно, это молодой человек!

– И как вы разглядели? – удивилась я.

– У меня опыт. Всю жизнь с кошками дело имею. – Вы ветеринар?

- Отнюдь. А что случилось?
- Случилось? Где? – не поняла я.
- Но вам же кто-то звонил...
- Ах да...

Я рассказала ему о вчерашней ресторанной разборке. – Вам и вправду повезло. Это очень неприятно.

Мне как-то довелось...

- Вам чаю или кофе? – решила я перевести разговор.
- А можно это отложить?
- Что отложить?
- Чай или кофе.
- На когда?

– Извините, Маша, у меня уже нет времени. А выпить с вами чаю или кофе очень хочется.

Можно попроситься к вам в гости?

– Считайте, что уже попросились, – засмеялась я. – И даже на обед.

– Роскошно! Когда?

– Завтра! – вырвалось у меня. Господи, что я делаю, мне же надо работать. – Завтра, но не раньше семи. Пойдет?

– Сейчас взгляну. – Он вытащил из кармана довольно затрепанную записную книжку. –

Так, завтра, завтра... В половине восьмого можно?

– Годится!

– Но это уже будет ужин!

– Ну что вы! В Европе в это время обедают!

– Отлично, значит, будем обедать по-европейски. Что вы пьете?

– Только не виски и не коньяк!

– Понял!

– А что вы не едите?

– Простите?..

– Ну, есть же что-то, чего вы на дух не переносите? Вдруг я именно это и приготовлю?

Он засмеялся, и у меня опять сердце екнуло.

– На дух не переношу мозги и цветную капусту. Все остальное могу пережить! Итак, до завтра, Маша! Да, кстати, вот мой рабочий телефон, если вдруг что-то у вас переменится.

– А вы мой телефон знаете.

– Конечно. – Он взял мою руку, поцеловал, но не отпустил. – Я очень рад знакомству.

До завтра.

– Спасибо за помощь! – Он улыбнулся и вышел за дверь.

А я поняла, что без памяти влюбилась. Еще один подарочек к сорокалетию. Только что меня тут ждет?

Влюбленность влюбленностью, а работать надо. Однако кулинарная книга навевала мысли о завтрашней обеде. Чем его кормить? Ничего слишком роскошного устраивать не надо, чтобы не подумал, что я... Скромненько, но вкусно. Надо сварить суп. Мужики обожают суп. И сделать бефстроганов, он у меня отлично получается. А вот надо ли закуски перед супом? Не чересчур ли будет? Он явно хочет выпить, значит, хоть что-то нужно... Ладно, придумаю что-нибудь необременительное.

От одной только мысли о предстоящем вечере сладко замирало сердце. Работа застопорилась. Что это со мной? Или и вправду «пора пришла, она влюбилась»? Похоже на то. Вот и мужики опять стали на меня реагировать. Так всегда, достаточно одному появиться, как и другие тут же липнут, как мухи на мед. По-видимому, Вырвизуб первый заметил возродившееся во мне желание любви... Я и сама еще этого не поняла, а Вырвизуб почувствовал. Ну

надо же, до чего тонкая натура! А я? Вот так с ходу втюрилась в первого встречного? Я же о нем ничегошеньки не знаю, но он мне нравится, очень нравится. В нем чувствуется мужик, к нему хочется прислониться. Красотой он не блещет, но фигура отличная, рост, глаза... А какие у него глаза? Кажется, серо-голубые, во всяком случае, светлые. Ему лет сорок пять, не меньше, а может, и побольше. Кажется веселым и добрым. Завораживающая улыбка, хорошие зубы, впрочем, это сейчас несложно, достаточно иметь энное количество денег – и улыбка как в Голливуде тебе гарантирована. Но это все на первый взгляд. Интересно, чем он занимается? На мафиози не похож, на нового русского тоже, но, судя по всему, деньги у него есть. Или бывают. Во всяком случае, держится он достаточно уверенно. В наше время это признак того, что особых материальных проблем у человека нет. Одет нормально, пахнет от него хорошим одеколоном и бензином, так, слегка. Наверное, сам возится с машиной. Говорит, как вполне интеллигентный человек, явно хорошо воспитан. Черт, а руки? Я как-то не обратила внимания на его руки. Есть ли у него обручальное кольцо? Странно, я всегда смотрю на руки мужчин. Мужчина с маленькими пухлыми ручками просто по определению не может мне понравиться. И как это я не посмотрела? Ах да, он же почти все время был в автомобильных перчатках. Только в квартире их снял, но тут позвонила Танька и... Ничего, завтра разгляжу, с удовлетворением подумала я и невероятным усилием воли заставила себя сесть за работу.

Часа через два опять затрезвонил телефон.

– Машка, ты почему не перезвонила? – накинулась на меня Татьяна. – Я такой стресс пережила, а ты...

– Что я?

– А тебе наплевать!

– Да что ты, Тань, я тебе очень сочувствую, но ты же знаешь, какой у меня цейтнот!

– Ладно, что там Белиловские пишут?

Вот так номер! О послании я начисто забыла, так увлеклась посланцем!

– Тань, поверишь, я еще письма не открывала!

– Почему это? – насторожилась она.

– Да некогда!

– Машка, не ври! Тут что-то не то! А кто его привез, это письмо?

– Какой-то тип...

– Сколько лет?

– Что?

– Сколько лет типу?

– Понятия не имею! Какое мне дело?

– Суду все ясно! Ты в этого типа втюрилась с первого взгляда! Давай, подруга, выкладывай! Поразительно, до чего у Татьяны развита интуиция во всем, что касается амурных дел. Отпираться просто не имеет смысла. К тому же охота поделиться нахлынувшими чувствами. И я все ей рассказала. Она конечно же сразу забыла о своих стрессах.

– Так ты говоришь, он на тебя запал?

– Похоже.

– А ты уже помираешь от любви?

– Нет, но он мне понравился, по-настоящему понравился. Со мной давно такого не было.

– Маш, а что тебе интуиция подсказывает, получится тут что-нибудь?

– Не знаю... Жалко, если не получится. Он, кажется, настоящий мужик, это теперь такая редкость...

– Да уж, штучный товар. Слушай, Машка, а какая у него фамилия?

– Фамилия? Я не спросила.

– А если опять козлиная? – засмеялась Татьяна.

– Тань, не надо так шутить! – всерьез испугалась я.

- Представляешь, вдруг он какой-нибудь Козлевич или Козленко?
- Я этого не переживу!
- Что ж ты, корова, не выяснила, прежде чем звать его в гости?
- Забыла! Ну ничего, как придет, прямо сразу спрошу фамилию, если окажется козлиная, буду холодна как лед и нарочно пересолю суп. Ладно, Танюша, надо работать...
- погоди, Маш, а ты уже продумала, что будешь готовить?
- Продумала, продумала, ничего особенного!
- Но все же? – настаивала она.
- Борщ и бефстроганов. Ты удовлетворена?
- Да это какое-то меню для иностранца!
- Почему для иностранца? – удивилась я.
- Когда иностранцы в Россию приезжают, им первым делом дают борщ и бефстроганов.
- Ну и что? Это же вкусно.
- Вкусно, но неинтересно!
- А что ты предлагаешь?
- Ну, к примеру, можно сделать сациви или чахохбили.
- Еще чего! Сациви – это такая возня! Ни за что! обойдется борщом. Все, Танька, мне работать пора.
- погоди, а десерт?
- Какой еще, к черту, десерт? – уже не на шутку рассердилась я. – Он же не ребенок. обойдется чашкой кофе.
- С бельгийскими конфетами?
- Да ты что, там их уже штук пять осталось. Просто кофе. Черный!
- Ты суровая стала, Машка! – засмеялась она.
- Я не суровая, я просто злая! Мне переводить надо, а ты меня всякой чепухой отвлекаешь! Пока, подруга!

Я вернулась к столу и с таким остервенением накинулась на кулинарную книгу, что опомнилась только поздним вечером от жалобного мяуканья Геши Глюка. Он плакал от голода! Ругая себя последними словами, я бросилась его кормить и ласкать. Потом вспомнила, что мне и самой поесть не мешает. А как хочется борща, подумала я, выбивая на сковородку два яйца. Кстати, чтобы сварить борщ, надо иметь как минимум капусту, свеклу, морковь, зелень. Ничего этого у меня нет, значит, завтра с самого утра придется ехать на рынок!

Обожаю рынки! Даже в конце декабря тут так вкусно пахнет зеленью, цветами, свежей рыбой... Но сейчас что-то уж очень много народу. Господи, я и забыла, что сегодня западный сочельник, двадцать четвертое декабря. И хотя к нам этот праздник, по сути, никакого отношения не имеет – наш сочельник будет шестого января, – но все равно народ суетится, закупает продукты. Любят у нас праздновать все подряд. Совсем как у Райкина – к Спасу, к Покрову и ко Дню Парижской коммуны. И тут вдруг я подумала: если все-таки учесть, что нынче сочельник, то борщ и бефстроганов – это типичное не то! Нет, не то! Надо придумать что-то другое, более подходящее к случаю. Что-то более изящное, изысканное. Да и вообще, он сказал, что придет в половине восьмого, и даже если не опоздает, все равно раньше восьми за стол не сядем, так хорошо ли нажираться борщом и мясом в такое время? Да, как ни крути, идея была порочна и необходимо немедленно, пока я на рынке, придумать что-то другое.

Я пошла по рядам. Остановилась у фруктового прилавка в глубоком раздумье.

- Красавица, что хочешь? – спросил немолодой кавказец.
- Вопрос не в том, что я хочу, а в том, что могу! – засмеялась я. – А что вот это такое? – Я ткнула пальцем в пучок каких-то сочных бледно-зеленых стеблей в целлофановом пакете.
- Сельдерей, дорогая!

– Сельдерей? Черешковый? – возликовала я, только в процессе перевода кулинарной книги узнавшая о существовании такового.

– Черешковый, дорогая, черешковый!

– Беру! Сколько стоит?

От цены, которую он назвал, у меня глаза на лоб полезли.

– Ну нет, дядя, я еще ума не лишилась! – возмущенно сказала я и двинулась дальше.

– Постой! Постой, женщина! – закричал продавец. – Давай поговорим!

– Да о чем тут говорить? Я не миллионерша!

– Не надо обижаться! Хочешь сельдерей? Получишь сельдерей! – И он вдвое сбросил цену.

Я задумалась. Если сделать салат, рецепт которого я перевела как раз вчера, может получиться здорово. И нужен для него только этот сельдерей, все остальное у меня в доме есть. Пока я раздумывала, вертя в руке пучок, к прилавку подошла пожилая женщина в нутриевой шубе и, с ходу оценив ситуацию, заявила:

– Послушайте, девушка, вон там, в углу, тот же самый сельдерей я купила втрое дешевле!

– Втрое? – вскинулся продавец. – Зачем врешь, дама? Втрое нет!

– А я говорю – втрое! – и она вытащила из сумки пакет с сельдереем. – Вот, гляди!

– А, черт с тобой, ладно! – и он еще вдвое снизил цену.

Я поспешила купить заветный пакет. И когда отошла в сторону, чтобы уложить его в сумку, та женщина заговорщически мне подмигнула. Я с благодарностью улыбнулась в ответ. Полоса везения!

Купив на рынке все необходимое, я остановилась у цветочного ряда. Тут мое сердце всегда замирает. Но потом я поняла, что перед Рождеством и соваться туда не стоит, тем более у меня еще стоят вырвизубовские розы, да и несколько хризантем от таинственного незнакомца тоже сохранились. Почему-то мне хотелось думать, что это был незнакомец... Да и по всем расчетам сегодняшней гость тоже должен явиться с цветами. А вот если попадет красивая еловая ветка, тогда я ее обязательно куплю, еще и к Новому году пригодится. Веточка таинственного незнакомца осыпалась, и я ее выбросила. Но еловых лап было мало, и все они казались какими-то жалкими. Ну и ладно. Это не наше Рождество! И я помчалась домой – готовить ужин к ненашему Рождеству.

Первым делом я взялась за сельдерейный салат, поскольку в рецепте было сказано, что его лучше сделать заранее, чтобы настоялся. Это будет нечто весьма изысканное! Максим Павлович просто обалдеет! Я вымыла и почистила стебли, отрезала кусочек и сунула в рот. Вкусно! Быстро нарезала сельдерей, потом очень мелко нашинковала яблоко, добавила немного грецких орехов, а затем достала из холодильника баночку ананасового компота. Сок слила в стакан и с наслаждением выпила, а кусочки ананаса высыпала в миску с салатом. Перемешала, заправила майонезом и глубоко задумалась: в какую посуду переложить этот кулинарный шедевр? Минут через десять я сочла, что салат уже немножко настоялся, и решила попробовать. Потрясающе! Такая экзотика! Зато все остальное должно быть просто вкусным и добротным. Вполне достаточно одного экзотического блюда.

Я управилась довольно быстро, потом прибралась в квартире и уже хотела сесть за работу, но вспомнила, что я так и не заглянула в пакет, доставленный мне из далекого Торонто. Вот это да! В пакете оказался довольно толстый конверт, явно с фотографиями, и еще сверток, поменьше, в котором прощупывалась какая-то тряпочка. Там и вправду я обнаружила блузку, очень красивую, лиловую, всю в осенних листьях. Здорово, обрадовалась я. Вот ее-то я сегодня и надену. Она мне очень пойдет. Письмо от старых друзей было, как всегда, сумбурным и веселым, а яркие красивые снимки запечатлели их во время отдыха на Гавайях. Живут же люди! Но завидовать я не умею, потому просто порадовалась за них и все-таки попыталась

взяться за работу. Но у меня ничего не получалось. Тогда я решила: не буду зря мучиться, завтра все нагоню, не страшно. И стала думать о предстоящем свидании.

Как мне вести себя? Не подавать виду, что он мне нравится? Но я, кажется, уже подала вид... И где мне его принять? Накрыть стол в комнате? Нет, это, пожалуй, слишком. Хватит с него и кухни. Поедим там, а потом перейдем в гостиную. Но ведь сегодня сочельник, какой-никакой, а все-таки праздник, и потому вполне естественно накрыть стол в комнате. Но не слишком ли я волнуюсь? В конце концов, что особенного? Ну придет в гости незнакомый мужик, стоит ли придавать этому уж такое большое значение? Не стоит, конечно, но... Я не находила себе места. И решила позвонить тетушке Лизе, все ей рассказать, посоветоваться.

– Он так тебе понравился? – с тревогой спросила она, выслушав меня.

– Сама не пойму. Но отчего-то не могу успокоиться.

– Это с отвычки, детка. У тебя давно никого не было, вот ты и волнуешься. Уверена, все дело именно в этом.

– Может быть.

– Только прошу тебя, Маша, не делай поспешных шагов.

– Каких шагов?

– Ну, ты же меня понимаешь...

– То есть не ложиться сразу с ним в постель, да? – уточнила я.

– Разумеется. Тем более в наше время... Это так опасно.

– А если очень захочется? – засмеялась я нервно, потому что мне захотелось этого при первой же встрече.

– Безусловно, ты вольна поступать, как тебе угодно, только зачем тогда спрашивать у меня совета? – сухо заметила тетушка.

– Да нет, Лиза, ты кругом права, я действительно за последние годы утратила всякую уверенность...

– А я тебе сколько твердила, что в твоём возрасте нельзя быть одной. И тем не менее постарайся не терять головы... Ты ведь ровным счетом ничего о нем не знаешь. Даже фамилии. Может, он бандит!

– Не похоже! И потом, я тут почитала во время болезни дамские детективы, так там самые привлекательные мужики как раз бандиты!

– Маша!

– Да я же шучу!

– Когда он к тебе придет?

– В половине восьмого, а что?

– На сколько времени рассчитан твой ужин?

– Не поняла.

– Ну за сколько вы можете все съесть? За час управитесь?

– Понятия не имею! Думаю, с выпивкой это может растянуться и на все два. А какое это имеет значение?

– Ну, с порога он на тебя скорее всего не набросится...

– Вряд ли.

– Значит, после ужина, когда вы оба расслабитесь... Вот тогда-то я тебе и позвоню!

– Зачем?

– Чтобы воззвать к твоему благоразумию!

Я расхохоталась.

– А если будет уже поздно? Или, наоборот, слишком рано?

– Маша, я позвоню, а решать в любом случае тебе.

– Ладно, звони, возможно, и в самом деле я этим воспользуюсь. Потому что вдруг мне захочется от него поскорее избавиться? Ведь при ближайшем рассмотрении он может оказаться достаточно противным. Напьется и еще неизвестно, что из него полезет.

– Вот! Наконец-то я слышу нормальные речи, а не идиотский влюбленный лепет. Постарайся сохранить такое настроение до вечера, и все будет в порядке. Главное, не считай заранее, что это тот суженый, которого конем не объедешь. И выясни первым делом его фамилию.

– Это я уже усвоила. Спасибо за поддержку, Лиза!

– До вечера, детка! Я непременно позвоню!

Ровно в семь я была уже полностью готова. Одета, причесана, подкрашена. И, разумеется, надушена. Стол я накрыла в комнате и даже свечи в подсвечниках приготовила. Рождество как-никак! Взяв на руки Гешу Глюка, я уселась перед телевизором, чтобы скоротать время до прихода Максима Павловича. Судя по вчерашней встрече, он достаточно пунктуален, впрочем, сейчас в Москве такие пробки, а он ведь за рулем... Стоп! Он собирается пить, значит, либо приедет без машины, либо... Либо намерен остаться тут до утра? Каков наглец! Первым делом надо выяснить не фамилию, а каким транспортом прибыл. Но с другой стороны, даже если он приедет без машины, где гарантия, что он не намерен тут ночевать? Господи, как мне это надоело! Да не буду я ни о чем думать. В любом случае, если я не захочу, он здесь не останется. Что за идиотские сложности возникают у бабы, отвыкшей от нормального общения с мужиком! Я почти уже в старую деву превратилась. Подумаешь, большое дело – накормить ужином малознакомого человека, а я возвела это в невесть какую проблему, дура несчастная. Тоже мне, повод для драмы!

Я была так зла на себя, что вскочила с дивана, забыв про Гешу, который мирно спал у меня на коленях, и бедняжка свалился на пол.

– Гешенька, прости меня, корову окаянную!

Я положила котенка на диван, а сама кинулась в кухню выпить воды. От злости у меня пересохло в горле.

Раздался звонок домофона. Явился, не запыхавшись!

– Кто там?

– Маша, откройте, пожалуйста!

Открою, куда ж я теперь денусь. Я прильнула к глазку. Услыхала, как подъехал лифт. Потом раздался топот. Ага, это он сбивает снег с ботинок. А вот и он! Тащит что-то огромное и непонятное. Я поспешила распахнуть дверь.

– Здравствуйте! Что это у вас?

– Привет! Это елка! Или у вас уже есть?

– Нет... Боже, какая прелесть!

Он принес елку в большом деревянном бочонке, стройную, не меньше метра высотой и неизмеримо пушистую.

– Куда ее поставить, а то она тяжелая, стерва! – пропыхтел он.

– Вот сюда, в комнату. В этом углу она отлично встанет!

– Может, я сначала ботинки сниму?

– Не вздумайте! Я этого не выношу!

Наконец он поставил елку, куда было велено.

– Хороша, правда? Я просто не мог удержаться. Она у вас долго простоит. Надо ее только поливать...

– Спасибо, она просто чудо! Да вы раздевайтесь, а то уже взмокли.

– Это верно! И вот еще...

Он протянул мне висевший на запястье пластиковый пакет.

Там оказалась большая бутылка водки и две бутылки моего любимого вина «Либфразумильх», которое у нас почему-то неизменно называют «Молоком любимой женщины», что невероятно глупо и даже немножко неприлично, потому что на самом деле это всего лишь «Молоко Мадонны». Кстати, и на этикетке изображена Мадонна. Но об ошибках и глупостях перевода я могу говорить часами.

– Вы позволите помыть руки?

– Конечно!

В комнате упоительно пахло хвоей. Если очистить апельсин, то будет настоящий рождественский запах.

– Маша, я вижу, стол накрыт, и, честно говоря, умираю с голоду!

– Отлично, садитесь! У меня все готово! Осталось только нарезать хлеб, а это одно мгновение!

– Что будем пить, я вижу тут у вас тоже напитки...

– Начнем, пожалуй, с водки.

– Я с вином не промахнулся?

– Наоборот, чудесным образом угадали мое любимое.

Он открыл бутылку, налил и голодным взглядом окинул стол.

– Максим Павлович, попробуйте вот этот салат...

– Ох, только не надо так официально, – скривился он, накладывая себе салат. – Зовите меня просто Максом. Все, Маша, если я сейчас что-нибудь не съем... Ваше здоровье, Маша!

Он опрокинул рюмку и принялся за еду. Смотреть, как он ест, было приятно. С удовольствием, но без жадности, хоть он и был очень голоден.

– А что это я ем? – спросил он. – Очень вкусно, но непонятно.

– Секрет фирмы! Ешьте, ешьте, возьмите вот это...

Утолив первый голод, он налил еще водки, поднял рюмку и посмотрел на меня.

– Господи, Маша, я полный идиот!

– Почему? – улыбнулась я. Мне было с ним легко и спокойно, как будто я знала его всю жизнь.

– Вы сегодня такая красивая... И вам так идут эти листья...

– Какие листья? – не поняла я.

– На блузке... Совсем в цвет волос...

– Эту блузку доставили мне вы!

– И я первый вас в ней увидел, да?

– Да. Ешьте, ешьте, не стесняйтесь, но предупреждаю, будет еще и горячее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.